

Василий

Бодурков

Центр

жестокости

и порока

16+

Василий Боярков

Центр жестокости и порока

«Автор»

2021

Боярков В.

Центр жестокости и порока / В. Боярков — «Автор», 2021

ISBN 978-5-532-92508-3

Где-то в бандитской провинции, где нет ни человеческих прав, ни «правильного» закона... На старом, отчасти заброшенном, кладбище проводится чудовищный ритуал. В нём участвуют безликие личности и используется страшный гроб на колёсиках, как в детской страшилке. В окончании заживо хоронится беззащитный бездомный бродяга.

ISBN 978-5-532-92508-3

© Боярков В., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава I. Предательство	10
Глава II. Современное монгольское иго	27
Глава III. Молодая красotka	38
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Василий Боярков

Центр жестокости и порока

Пролог

Вечер. Темно и тоскливо, гуляет промозглый осенний ветер. Время плавно приближается к ночи. По слабоосвещенной окраинной улочке пробирается хромой незнакомец, перепуганный до дьявольской жути; он имеет неприятную, резко отталкивающую, наружность и выглядит как самый обыкновенный бомжик. Невзрачный мужчина давно уж достиг пятидесятилетнего возраста и много лет назад разочаровался в несостоявшейся жизни; очевидно, он так и не смог добиться каких-то значимых результатов. Остановившись на неприглядной внешности, можно отметить следующие основные особенности: невысокий рост контрастирует с некогда коренастой фигурой, сейчас исхудалой, сломленной длительными невзгодами; давно немытая круглая голова всклокочена, а рыжие, чуть поседевшие, волосы переходят в однотонную курчавую бороду; горбоносое лицо покрыто въевшейся в кожу коростовой коркой; голубые глаза, яркие и чистые, сравнимые с гладью бездонного озера, пугливо расширены; толстые, кроваво потрескавшиеся губы отвратно причмокивают. Одет он в нестиранную матерчатую фуфайку, пропитанную грязно-чёрным оттенком, да сероватые, изрядно потёртые брюки; солдатские ботинки развалились от долгой носки и выделяются отклеенной подошвой, а также полностью отсутствующими шнурками.

Прихрамывая на правую ногу, странноватый тип тарачит безумные зенки и постоянно оглядывается назад; он как будто опасается чего-то кошмарного, что, несомненно, преследует его сзади. Однако? На улице тихо, не слышатся звуки обычной жизни (либо проезжающий автотранспорт, либо разговоры случайных прохожих), а поблизости не видится ни одного человека, пусть и непроизвольно оказавшегося на отдалённой окраине. Лишь вдалеке раздаётся собачий лай, передающий о некоем тревожном явлении. Незадачливый беглец необычайно устал: его терзает частая, отдающая силлым тоном отдышка; раздрает хриловатый мучительный кашель; заплетающиеся конечности передвигаются с огромным трудом. Не наблюдая явственного преследование, он останавливается и начинает вертеть лохматой башкой – поворачивает из стороны в сторону, словно ожидает какого-то завуалированного подвоха, наполненного жутью, совсем ему неприятного. Он стоит посередине пустынной улочки, доходящей примерно до четверти километра. В центре располагается узкая заасфальтированная дорога, а по бокам выстраиваются одноэтажные новёхонькие постройки; правда, ни единственная из них не указывает на слишком большую житейскую состоятельность. Похожий вывод напрашивается по малым размерам (они не считаются коттеджного типа), по неширокой приусадебной территории, по не очень дорогим железным заборам.

– Где он? – с дрожью промолвил испуганный бомжеватый путник; сощуренным взглядом он вглядывается назад, словно пытаясь предугадать, что скрывается за непроглядной, окутанной тайной, теменью. – Вроде бы не видать?.. Может, всё-таки отпустил или же – что будет несколько не хуже – решил забрать себе кого-нибудь привлекательнее?.. Второй вариант меня бы лично устроил вполне... Не то выбрал меня... а я что? И так давно «по жизни» потерянный человек... и сам скоро сдохну, и без чьей-либо помощи. Хоть бы так оно всё и было...

Но! Из уличного прогона, расположенного в дорожном начале, показывается затуманенное, по-демонически таинственное, свечение. По мере приближения к повороту оно становится ярче, а потом появляется... гроб; он передвигается самостоятельно, на приделанных к нижней части бесшумных колёсиках. Рядом нет никого, и едет он один-одинёшенек, без личного управления да человеческого сопровождения. На очумевшего мужичка, произ-

вольно открывшего рот, снисходят сверхъестественный страх, глубокая тоска, сплошное уныние. Как же тот выглядит? Обыкновенная, сколоченная из досок, конструкция, сужается как к части нижней, так точно и к верхней; снаружи она оббита мрачным тёмно-зелёным сукном, на крышке украшена чёрным крестом, грубо обрезанным по каждому краю; к основанию, на поперечных осях, крепятся целиковые маленькие колёсики, общим количеством насчитывающие ровно четыре; обод, для смягчённого сцепления с почвой, оборудован прочной резиновой оболочкой; между составными элементами оставлен едва заметный зазор, через который просачивается дьявольское сияние (оно наполняется зеленовато-голубоватым оттенком и сумрачным дуновением); оси слегка поскрипывают и наводят гораздо больше кошмарного ужаса.

Одичалый беглец созерцал чудовищную картину не более секунд двадцати, а после с возгласом: «У, «мать его в душу...», пропади оно, «нах» всё пропадом!» – кинулся тикать дальше. Странный мужчина, социально опущенный человек, перебирал заплетавшимися ногами, двигаясь строго вперёд, ничего перед собою не видя; он ни много ни мало не размышлял, куда пролегает окончательный путь и куда его ведёт страшный, если и не потусторонний феномен. Неудивительно, когда он оказался на краю (раз!) оборвавшегося проулка, то упёрся прям в городское кладбище; оно существовало со стародавних, язычески древних, времён и располагалось рядом с нежилой деревушкой, вымершей в тринадцатом веке. Кульминация виделась очевидной – и вот как раз сейчас отброс современного общества отчётливо понял, что сюда его привели по прямому, холодившему в жилах кровь, назначению. Поворачивать назад да искать другую дорогу? Времени не было, так как следовавшая сзади адская машинёнка приближалась всё ближе – неотвратимо загоняла в погостную территорию. Выбора не осталось, и смрадно вонявший ополоумевший бомж ступил на пугавшую до коликов старинную местность. Что же то дьявольское устройство? Оно словно только и ожидало сотворения жеста отчаяния. Слегка увеличив начальную скорость, сатанинское детище устремилось вслед за загнанной жертвой.

Социальный отщепенец, едва он ступил на заросшую почву, услышал позади негромкую музыку; она исходила из жуткого гроба и погребальной мелодией нагнетала предсмертную обстановку. Бомжеватый беглец следовал по ровному асфальтовому покрытию – продольной дорогой оно разделяло загородное кладбище на две неравные половины. Доковылять ему посчастливилось точно до середины, как впереди (то ли показалось, то ли взаправду?) замаячили странные тени; они как будто бы преграждали дальнейшее продвижение. На секунду застыл. Изучая неоднозначную обстановку, загнанный мужичонка мысленно выбирал, куда можно двигаться дальше и где не возникнет иного препятствия. Искомый путь находился рядом, располагаясь по правую руку; он манил хорошей грунтовой дорожкой, уходившей в напрочь незримую глубину. Других вариантов не виделось вообще, и перепуганный человек устремился в неведомое, ничем пока не отмеченное, пространство. Ему удалось «прохрамать» ещё добрые двести метров, как (хлоп!) он внезапно остановился.

Что же явилось неожиданной причиной? Полуночный странник упёрся в свежерытую могилу, не позволявшую двигаться дальше. Досада! Обойти её тоже никак бы не получилось, потому как и с правого, и с левого бока устанавливались плотные, повыше огороженные, надгробья. Его загнали на территорию, предназначенную для захоронения современных покойников. Можно попробовать пробиться к спасению, перелезая через наваленную кучу свежей земли – омерзительный, грязно одетый, мужчина это и сделал. Грунт оказался глинистым, вязким и липким. С первой попытки оставшись без одного башмака, надёжно увязшего в землю, растерянный беглец вконец осознал, что попал в специально спланированную ловушку. Двигаться назад? Бессмысленно, бесполезно: негромкая, наводившая ужас музыка, издаваемая само собой катившимся гробом, слышалась и ближе, и отчётливее и не оставляла ни малых сомнений, что избавления никакого не будет. Но и это ещё не всё! Пересилив себя и оглянувшись назад, опустившийся мужичок теперь разглядел (в зеленовато-голубоватом свете, исходившим из адской конструкции), что inferнальные тени нисколько не померещились,

а действительно приближаются сзади – однотипными сумрачными тенями окружают невиданное устройство, необычное, если не сверхъестественное. Представлялись они безликими, одетыми в чёрные балахоны; их головы скрывалась за дивными капюшонами, где (с первого взгляда могло показаться?) присутствовала, единственно, чёрная, пугавшая до чёртиков, полая пустота. Впечатление ощущалось более чем реальным, и грязнёвкий тип, так и оставаясь без одного (уже потерянного) ботинка, опустился на землю, встал на колени, упёрся кулаками в холодную почву и приготовился умирать, справедливо полагая, что сюда его привели не ради какой-то пустой забавы. «Да, расчёт совершенно верный: во всём белом свете не найдётся ни единого человека, кто стал бы меня искать. Вот так я и сгину, никому вообще не нужный, проживший жалкую жизнь – что не говори? – но всё же впустую», – так рассуждал морально опущенный отщепенец, готовясь встретить страшную, точь-в-точь неизбежную, участь. «Можно, конечно, подумать, что сейчас претворяется чья-нибудь злая шутка, – продолжал он мучительно измышляться, поникнув едва ли не к самой земле, – но у меня ведь совсем не осталось знакомых, способных на мерзкий, кругом отвратительный, розыгрыш; а значит, меня сюда пригнали целенаправленно, исключительно для бесславного умерщвления. Итак, спасения нет! Статус «пропавшего без вести» я обрёл лет эдак семь-восемь назад, хм... Тем более что – как слышалось из надёжных источников – похожий случай происходит в нашем городе совсем не впервые, а я буду отнюдь не первым, кто канет в «безвестную лету».

Внезапно! Растерянный человечиска почувствовал на заскорузлом лице совсем не мистический, а целиком нормальный пинок, доставшийся от тяжёлого, закругленного на конце ботинка. Вслед за причинённой, сплошь доходчивой, болью громоподобный глас, звучавший словно из загробного мира, грозно промолвил:

– Я Сумрачный Хранитель доходного места! Поскольку обличён могущественными, страшными полномочиями, обязан тебя спросить: ты по что это грязный, вонючий «бомжара» засоряешь, смрадный засранец, чистый воздух благопристойного города?! Разве ты, поганый мерзавец, не знаешь, что сюда едут богатые члены элитного общества, чтобы просаживать у нас валютные накопления?! Ты же, скользкая гнида, их только отпугиваешь, порочишь с трудом добытую репутацию и принижаешь рентабельный бизнес, заметь, единственный в масштабе всего российского государства. Вдобавок к сказанному, хочу, «господняя срань», отметить, что подобные тебе, гниль подзаборная, нападают на беззащитных граждан, жестоко их избивают да в наглую грабят. Что ты, грязный урод, на предъявленные обвинения разумного мне ответишь? Говори! Тебе представляется последнее слово, а потом мы будем судить тебя судом и жутким, и беспощадным, но... истинно справедливым.

– Да что вы хотите знать? – пролепетал перепуганный мужичонка, дрожа от суеверного страха; он сумел набраться храбрости, для того чтоб приподнять всклокоченную вихрами грязную голову и для того чтоб (сам не понимая зачем?) попытаться разглядеть лицо говорившего (он различил лишь беспросветную и мрачную черноту). – Живу я здесь более семи лет, – продолжал он между делом оправдываться, – со дня основания города, когда появилось первое игорное казино. За первых три года я просадил всё мною нажитое состояние; оно заработалось за долгие годы опасной предпринимательской деятельности, где, честно признаюсь, я не всегда мирился с законом. Растратив всё, до последней копейки, с горя я начал спиваться – по «наклонной» опускаться и ниже и ниже. Что же, скажите, мне было делать? Я полностью утратил былую бизнесменскую хватку. Возвращаться с пустыми руками домой? Мне совесть большая тогда не позволила. Вот все последние годы я и живу печальным, невзрачным образом, и никому не мешаю, и потихоньку увязаю в беспробудном, глубоком пьянстве.

– Это никакое не оправдание! – грозным голосом гремел загадочный незнакомец, стоявший напротив; обезличенным видом он наводил и безысходную тоску, и внутреннее смятение. – Я, кажется, у тебя спросил: почему ты до сих пор ошиваешься здесь и почему не свалил «бомжевать» в какой-нибудь другой, менее уважаемый, город? Повторюсь, сюда устрем-

ляются люди солидные, важные, с туго набитыми кошельками. Даю последний шанс назвать хотя б одну убедительную причину, позволяющую тебе до сих пор оставаться живым да засорять наш красивый, во всём благоустроенный, город.

– Мне просто некуда было податься, – опустив пониже лохматую голову и приготовившись терпеть жестокие муки, прошепелявил невзрачный мужчина; он утёр кровавую влагу, струившуюся из носа, сломанного после недавнего удара ногой, – как и сказал, последние годы я не имею ни родных, ни более или менее приличных знакомых...

– Хорошо, – прошелестел неизвестный, взявшийся судить потерянного для общества никчёмного человека, – я всё понял и принимаю решение: приговорить помойного бомжика к смертельной казни «через закапывание живьём», или попросту «быть похороненным заживо»! – сказал он высокопарно, высказываясь для всех присутствующих, а обращаясь исключительно к обречённому, грозно добавил: – Полезай, мерзкая гнида, в гроб: он, как понимаешь, приготовлен специально тебе, он сам тебя выбрал и сам же сопровождал до места захоронения.

Словно повинуюсь тому ужасному приказанию, зелёная крышка медленно приподнялась, оголила обитую белой материей тоскливую пустоту и погромче, для пущего страха, включила унылую музыку. Неожиданно! Дымное дуновение, показавшееся каким-то потусторонним, увеличилось много более; резко взметнулись пары клубившегося тумана, а свечение сделалось по-дьявольски ярким.

– Нет, – запротестовал бомжеватый мужичка, приговорённый к жесткой, сполна мучительной, смерти, – я не полезу... нет такого закона... вы – в конце концов! – не имеете права...

Он уж прекрасно понял, что стал заложником жуткого, едва ли не кошмарного наваждения; оно заставило его (под действием непомерного страха) самого прибыть на выбранное пространство, предназначенное для ритуального умерщвления. В тот же миг загадочный незнакомец, стоявший прямо напротив и «самопровозгласившийся» зловещим, но справедливым судьёй, наполнился ужасными нотками, злобными и стальными, а следом торжественно выкрикнул:

– Отлично! Ты избрал прискорбную участь!

Едва он договорил, словно по чьей-то негласной команде, посыпались нескончаемые пинки, тычки и затрецины. Хотя они и не причиняли мучительной боли, но позволяли предполагать, что пыточное мероприятие, возможно, затянется и что, так или иначе, оно закончится неременной смертью. Несчастному страдальцу не оставалось ничего другого, как терпеть непрекращающиеся побои; постепенно они превращали бомжовское туловище, некогда сильное, а теперь практически высохшее, в сплошное кровавое месиво. Кто его бил и в каком количестве – выяснить трудно. Зато понималось более чем отчётливо, что ярые изверги основательно знают дело, кровожадное и неистовое. Не позволяя терять сознание, они придавали кожному покрову иссиня-чёрный оттенок, но не затрагивали жизненно важных внутренних органов. Удары наносились методично, в основном твёрдыми тупыми предметами; больше всего они походили на солдатские ботинки, те же полицейские берцы, которые, как известно, отличаются внушительным весом да атакующей силой.

От каждого тычкового пендаля терзаемый бомж хрипло, надсадно побряхтывал, перемежаясь страдальческими стенаниями; он не являлся способным (да и попросту не отваживался) оказать хоть какое-то значимое сопротивление и воспротивиться силам, находившимся за гранью давно померкшего понимания (высушенного пагубным влиянием алкогольных напитков). Минут через пятнадцать жестокой, ни на секунду не прекратившейся, бойни, некое подобие человека (и без того утратившее всякий нормальный облик) стало похожим на жуткого гуманоида (ну, или, в лучшем случае, на перезревшую, начинавшую гниение, тыкву). Синюшная физиономия сплошь покрылась обширными гематомами; некоторые из них, наполнившись лишней кровью, чернея, лопали, придавая окровавленной поверхности зловещий оттенок. Всё

остальное тело (если бы кому-то взгрустнулось снять затхлые шмотки?) представляло мало чем отличавшуюся картину: она представлялась единой раной, мерзкой, повсюду кровоточившей.

– Всё! – раздался гнусавый голос, похожий на замогильный; он взял на себя труд вести словесные речи. – Хватит! Не то ещё сохнет, а преждевременной смерти мы допустить не можем. Если кто помнит, он приговорён «быть похороненным заживо!», – сказал он немым поделщикам, а дальше обратился к измученному мужчине: – Так как, вонючий бомжара, сам обживёшься в последнем пристанище или стимулирующих мотивов необходимо добавить? Как, думаю, ты отлично понял, мы можем мутузить до бесконечности, и без обеденных перерывов.

На опущенном человеке не осталось к моменту страшного предложения ни одного свободного места, не источавшего сумасшедшей боли. Очумевший мозг отказывался выдавать логические, хоть сколько-нибудь здравомыслящие, идеи; единственное, что занимало бедовую голову, основательно измочаленную, – как побыстрее избавиться от сплошного потока страданий, мучительных ощущений? Не переставая кряхтеть и плевать кровавой жидкостью, сочившейся из слизистой оболочки и внутренних органов, социальный отброс, приговорённый к жуткой, по-сатанински страдальческой, смерти, послушно поплёлся к страшному гробу. Приблизившись, он постоял, словно находясь в мыслительной нерешительности, затем, вдруг резко встряхнув всклокоченными кудрями, решительно опустился в последнее ложе, сложил перед собою избитые руки и приготовился принять несообразно кошмарную участь.

Едва он закрыл заплывшие веки, закономерно рассудив, что всего, уготованного дальше, лучше ему не видеть, гробовая крышка самопроизвольно, под властью неведомой силы, медленно опустилась на корпусный стык. Плотным прикосновением она прекратила подачу недоброго света, потустороннего дуновения, а заодно и значительно снизила звук издаваемой похоронной мелодии. И вот здесь! Буквально за секунду, перед тем как верхняя и нижняя части в полной мере состыковались, изнутри донёсся измученный, чуть слышимый, возглас. Несмотря на нестерпимые муки он наполнился обыкновенной босяцкой иронией: «Хоть умирать будет нескучно... под музыку – и с музыкой!». В следующую секунду тонкий просвет исчез, а чуть только случилось касание, сами собой пошли закручиваться винты, предусмотренные для прочного скрепления крышки и основания; заворачивались они без чьей-либо помощи, как подверженные мистическому воздействию. Затем смертельное устройство отъехало немного назад, ненадолго остановилось, минуту постояло на месте, словно позволяя остальным участникам по-христиански проститься; а далее, сделав произвольную пробуксовку, оно набрало предельную скорость и устремилось в пугавшую пустоту, как издревле водится, имевшую размеры двести на сто сантиметров. Любому нормальному человеку показалось бы удивительным, но демонический гроб, кативший без посторонней помощи, сумел разогнаться как раз для того, чтобы рухнуть в уготованную покойнику могильную яму. Теперь, даже наиболее закоренелому скептику стало бы очевидно, что чудесного избавления, бесспорно, не будет.

На следующий день, наступивший после чудовищных (да что там?), просто ужасных, событий, на городском погосте обнаружили измельчённые людские останки и расщеплённые части гроба. Но это не всё! Неподалёку от кладбищенской территории, расположенной в юго-восточной части игорного центра Рос-Дилер, был найден ещё один расчленённый труп; он принадлежал молодому, восемнадцатилетнему парню, а окровавленными мощами укладывался в целлофановые пакеты, предназначенные под хранение объёмного бытового мусора.

Глава I. Предательство

Тремя годами ранее... Где-то на северо-востоке Москвы, в одном из самых благоустроенных, так называемых фешенебельных, быстрорастущих районов...

– Мне нужно платить наш, между прочим, общий кредит за машину, – твердил спокойный супруг, отвечавший кричавшей женщине (она требовала передать ей крупную сумму денег), – у нас же как бы заключен с тобой договор?.. Долги погашаю я – всё остальное, в том числе и светские развлечения, останется за тобой.

– Нет, так не пойдёт! – не унималась сварливая жёнушка, продолжая провоцировать открытый конфликт и ничуть вопиющего подстрекательства не скрывая. – Ты мужик или одно пустое название?! Кто будет спрашивать финансы с красивой супруги?! Я выходила замуж совсем за другим – и, короче, я рождена вовсе не для того, чтобы ещё и работать!

Что же предшествовало необычному, если не странному поведению и что это за семья?..

Старший участковый уполномоченный Аронов Павел Борисович прибыл в Москву больше шестнадцати лет назад. Располагая оконченным высшим образованием и службой в Российской Армии, он сразу же был принят на службу в полицию. Постепенно продвигаясь от должности к должности, служитель закона добился максимума, какой давался обыкновенному провинциальному жителю, – майорское звание, чин старшего офицера. Единственной привилегией они давали бесплатные похороны да сопутствующий им памятник. Продвинуться дальше не получалось, во-первых, из-за категоричного нежелания руководства (что, разумеется, было определяющим!), а во-вторых, в силу других, не менее значительных, обстоятельств... Их, к слову, стоит раскрыть поподробнее...

Так получилось, что Паше (если так можно выразиться) повезло жениться на красивой, но и распутной женщине. Периодически она устраивала «пренеприятненькие» сюрпризы, с помощью коих благоверный супруг нередко оказывался в крайне сомнительных ситуациях. С большим трудом (исключительно за боевые заслуги, добытые в горячих точках страны, да безупречный послужной список) он умудрялся оставаться на полицейской службе и сохранять себе выгодный общественный статус.

Если касаться внешности, немолодой уже человек достиг сорокаторёхлетнего возраста и выделялся следующими характерными признаками: средним ростом, сочетавшимся со статной да коренастой фигурой; широкоскулым продолговатым лицом, обладавшим гладкой, со смуглым оттенком, кожей; голубыми глазами, выдававшими целеустремлённую, но в меру амбициозную личность, не исключавшей суровой серьёзности да внутренней твёрдости; прямым, безукоризненным носом, говорившим о благородной натуре; широкими губами, толстыми, чуточку вздёрнутыми, что позволяло судить о мягкотелой добропорядочности; густыми усами, светло-русыми, но отдававшими слегка в «рыжину»; однотонными им волосами, коротко остриженными и уложенными в боковую причёску; ровными ушами, плотно прижатыми к гладкому, идеально округлому, черепу. Замечая незавидную должность старшего участкового, блюстителя порядка зачастую приходилось видеть в форменном обмундировании, оборудованном всеми положенными регалиями.

Как говорилось, жениться ему выдалось на женщине лёгкого поведения, оказавшейся моложе на добрый десяток лет.

Аронова Лидия Викторовна в достигнутые тридцать три года не считалась уж той неотразимой красоткой, какой являлась лет эдак восемь назад. Хотя, обладая какой-то необъяснимой магнетикой, она до сих пор «приковывала» любого, на ком только мог остановиться её умышленный выбор. Как же распутная дамочка выглядела? Она не выделялась высоким ростом, имела чуть располневшее тело (продолжавшее отличаться великолепными формами) и выглядела эффектно. Остальные очертания можно представить примерно такими: круглое,

книзу чуть вытянутое, лицо всегда отликает смуглой, едва не цыганской кожей, подзагорелой в элитных соляриях; карие, с еле заметным зелёным оттенком, глаза немного косят (словно у ведьмы) да искрят лукавым, с детства не отпускающим, озорством, а заодно и предприимчивой хитростью (ни то ни другое не подчеркивает значительного ума либо же выдающегося рассудка); нос украшается лёгкой горбинкой, предупреждающей о жёстком характере; припухлые, словно капризно надутые, губы выдают нервную скверность; слегка оттопыренные уши скрываются за длинными тёмно-русыми локонами. Одеваться она предпочитала в наряды несколько не скромные, какие плотно обтягивают фигуру и какие позволяют выставить напоказ и бесподобно шикарную грудь, и идеально стройные ноги. По натуре она была женщиной своенравной, не в меру амбициозной, исключительно упрямой и крайне жестокой (хотя последнюю черту умело скрывала за видимым дружелюбием).

Обладая прирождённой тягой к авантюризму, она убедила доверчивого супруга (умело подставляя в неприятные ситуации) переписать на себя всё нажитое имущество: и трёхкомнатную квартиру, доставшуюся по службе, и заграничную машину, оформленную на неё же, а купленную в кредит. О! Женское коварство не имело разумных границ, и, перед тем как подписывать дарственную, Лидия склонила благоверного муженька к якобы фиктивному расторжению брака. Не обладая полной уверенностью в её порядочности по части многочисленных любовных интрижек (если честно, он давно уже смирился с существовавшим положением), в вопросах семейного благополучия десять лет совместной жизни давали веское основание полагать, что брачный союз продлится вечно (многочисленные измены стали нормой семейной жизни), Аронов необдуманно, обманутый, согласился.

Дальше пошло как по какому-то роковому сценарию: неверная супруга частенько отпрашивалась и уезжала как будто к душевным подругам, нередко забирая со собою и их совместного сына. Удивительное дело, двенадцатилетний мальчик был в курсе всех гнусных измен, но по строжайшему указанию непоколебимо покрывал мамино развратное поведение. Впрочем, и ему не было известно обо всех её вероломных планах. Пришло время, и Аронова стала встречаться исключительно с единственным кавалером. Он являлся военным полковником и обладал положением устойчивым, более чем завидным, нежели обыкновенный полицейский майор. Вначале Лида ревностно всё скрывала – до поры до времени всеми силами держала вероломную неверность в сугубом секрете. Но вот! Настало то жуткое время, когда и она, и тайный поклонник пошли на дьявольский, по чести предательский, сговор. Ими планировалось, что хитрая вероотступница любыми путями спровоцирует «тупого мужа» на ссору, естественно, оставит того виноватым, а следом, униженная, заберёт себе общее имущество, накопленные финансы, и даже ребёнка, и переедет на съёмную квартиру, заранее приготовленную практичным любовником. Поживёт там примерно месяц (может, и два?), а потом (как будто случайно!) познакомится со новоявленным воздыхателем – и, не откладывая в долгий ящик, они начнут счастливую совместную жизнь.

Вот именно придуманный с любовником ужасный сценарий подлая изменщица и пыталась сейчас претворить в жизненную действительность.

– Завтра Девятое мая, – твердила она заученным текстом, – а я обещала ребёнку, что мы поедим к одной моей давней знакомой, которая – даже ты обязан быть в курсе – проживает прямо на Красной площади, недалеко от места, где будут проходить все значимые мероприятия! Я сейчас не работаю – кстати, по твоему прямому согласию – и наличных денег, соответственно, нет у меня ни шиша. Чтобы как следует отдохнуть и вдоволь развлечься, необходимо потратить – как, надеюсь, ты понимаешь? – приличную сумму! Ты же ведь – возьму на себе смелость предположить? – не допустишь, чтобы твоя жена – пардон, уже простая сожительница – и сын побирались, и выделишь им нормальную финансовую поддержку.

– Лиданька, милая, прости, – вопреки устроенной провокации (ранее всегда отлично «работавшей», когда дело касалось дополнительных выплат), спокойно твердил супруг, вдруг

ставший на удивление твердолобым, – но ты же знаешь и наше тяжёлое положение, и тот кредит, что оказался – я даже не представлял! – и неподъемным, и непомерным. Поэтому ты можешь меня сейчас хотя бы расстреливать, хотя бы распиливать, но выделить тебе чего-либо сверху, что есть у меня в наличии – а у меня давно уже нет ничего, о чём кому, как не тебе, лучше всего должно быть известно – я попросту не смогу. Взять лишней налички мне в общем-то негде и неоткуда, а лезть в очередные долги, естественно, я не хочу... мне за машину в пору бы расквитаться.

– Да?.. Так-то сейчас ты заговорил? – говорила Лида размеренным, но и ехидным голосом, уперев руки в боки и сверкая хитрющими глазками. – Ты лучше вспомни, чего обещал, когда за мной только ещё ухаживал? Я вот отлично помню, что ты звезду сулил мне с неба достать, а главное, обнадёжил, что у меня будет счастливая, безбедная жизнь и что я ни в чём не буду нуждаться. Так давай же – выполняй взятые на себя конкретные обязательства! Не то ведь в один прекрасный момент дождёшься: я соберусь и уйду! Теперь уже навсегда! Придёшь вот так с работы – ни меня ни ребёнка, в твоей квартире, и в помине не существует!

Аронова нарочно не акцентировала, что имеет претензии на нажитое имущество, не желая заранее возбуждать ненужные (пока!) подозрения; основная цель – спровоцировать серьёзный конфликт. Зачем? Чтобы победоносно закончить изрядно поднадоевшие отношения и чтобы создать в общественном мнении несомненную убеждённость, что не она является распутной прелюбодейкой (каковой себя, конечно же, не считала), а «драгоценный супруг» не оказался в необходимой мере благонадёжным. Получалось, ей нужен был повод (обязательно благовидный!), не бросающий порочную тень и способный обеспечить достойный, а главное, оправданный всеми уход.

– Так что ты решил? – продолжала вредная пассия словесно давить (она, готовая ко всему, и к некоторому насилию, стремилась как можно больнее задеть). – Ты отпустишь нам нужные деньги, или начать уже собираться? Только знай: выберешь вариант второй – на моё прощение никогда впоследствии не рассчитывай! Так как мы поступим?

– Не знаю? – отмахнулся расстроенный офицер, как от назойливой мухи, не забыв скривиться в презрительной мине (похожие скандалы являлись не редкими, и Лидия несколько раз собиралась и временно уходила, но всегда верталась обратно). – Поступай, как знаешь... в сомнительных делишках я тебе не советчик. Соберёшься расстаться – ну, что же поделывать? – тогда уходи, – грустно вздохнул, – держать я не буду.

– Значит, так ты решил? – произнесла высокомерная женщина, исподлобья сощурившись и делаясь презрительно злобной (изобразила уничижительную гримасу). – Что ж, ладно, ещё посмотрим?..

Засим они и расстались. Злобная «фурия», забрав послушного сына, уехала, сказав: «Поеду к подруге подумаю, и, может, уже не вернусь». «Хорошо, – не стал с ней спорить неумолимый супруг, давно уж привыкший к тем взбалмошным проявлениям (он почему-то уверовал, что всё разрешится как и обычно), – пусть будет так, как ты решишь и, собственно, скажешь». Через пару дней Аронова позвонила и капризно полюбопытствовала, собирается ли «благоверный супруг» забрать её обратно, в их собственную квартиру? Случилось, как Павел предполагал, и, делать нечего, презрительно ухмыльнувшись, он стал настраиваться в дорогу.

Пока остальная семья отсутствовала, произошло досадное происшествие: новый холодильник (каким-то чудесным образом?) пришёл в негодное состояние, и требовалась внеплановая замена. Простоватый хозяин не знал, что поломка не случайная, а целиком спровоцированная. Как только коварная интриганка возвратилась домой, первым делом он обратился к нормальному, всецело закономерному, вопросу:

– Как, Лидочка, мы поступим со сломавшимся холодильником?

– А, что с ним? – спросила пронырливая пройдоха, еле сдерживаясь, чтобы не рассмеяться недалновидному остолопу в лицо. – Что с ним могло случиться, ведь он практически новый?

– Даже не соображу, чего конкретно ответить? – отвечал растерянный полицейский, в присутствии знойной женщины терявший способность логически мыслить. – Я вызывал ремонтную службу. Опытный техник внимательно всё осмотрел, а после и заявил, что выявил чьё-то внутреннее вмешательство и что отремонтировать испорченную систему никак не получится. Что бы могло случиться – случайно не знаешь?

– Нет, – не удержавшись от лёгкой, едва-едва пробежавшей, ухмылки, ответила обманчивая избранница, – не представляю, на что и подумать?.. Сейчас меня мучает немного другое: мы что, остались без холодильника, ведь, как понимаю, на покупку другого средств у нас нет?

– Почему же? – промолвил задумчивый муж, ещё не понимая, в какую, хитрую, он втянут интригу. – Меня просто интересует: кто из нас двоих отыщет потребные деньги?

– Уж точно, не я! – с презрительной миной огрызнулась умелая проходимка (за нешуточной ненавистью она успешно укрывала усмешку). – Ты мужик – ты и думай!

Аронову ничего иного не оставалось, как, печально вздохнув, залезть в тайную, надёжно спрятанную, кубышку, достать всю сберегательную заначку и отправиться за новой, жизненно необходимой, покупкой. Нехитрая процедура заняла у него весь остаток текущего дня. Когда он вернулся, ни лживой супруги, ни общего сына не было. Но и это ещё не всё! Пропали все их носимые вещи, а также личные принадлежности гигиенической надобности. Нешуточное событие случилось впервые: раньше Лидия предпочитала лишь шантажировать, пропадая на несколько дней; сейчас же всё выглядело совсем по-другому и походило на злачную правду. Аронов, въедливый на работе и, как «последний лох», доверчивый дома, вновь не придал значения, а просто предположил, что хитрая бесовка избрала какую-то новую тактику и что ей пришла очередная идея «выбить» побольше наличных денег. Он даже не позвонил, не узнал, где они с ребёнком соизволят остановиться? Неглупый мужчина справедливо предположил, что истинной правды она всё равно не скажет, а снова возьмётся словесно понобсить и приводить различные адреса, не называя в итоге верного (как происходило вовсе не первый раз).

Прошёл день, промчался другой, минул и третий. Утешительных вестей от своенравной Лидочки так и не поступало. На день четвёртый, едва Павел вышел с каждодневного служебного совещания, на личный мобильник прорвался тревожный вызов. Без задней мысли был принят – зловредная женщина тут же стала атаковать.

– Послушай, дорогой, – слышался из сотового устройства голос, не предвещавший ни доброго ни хорошего, – я от тебя ухожу и предлагаю в добровольном порядке поделить совместно нажитое имущество, ха-ха! – раздался зловещий смешок. – Поскольку всё записано на меня, делить нам, получается, вовсе и нечего. Я предлагаю быстренько съехать с моей московской квартиры и передать ключи от моей же новёхонькой автомашины. Где ты будешь ютиться, селиться? – она взяла короткую паузу, недоброжелательно, с отвращением фыркнула, а после высокомерно продолжила: – Мне полностью безразлично! Я давно уж испытываю к тебе крайнюю, точь-в-точь брезгливую, неприязнь. Скажу больше! Я никогда тебя не любила, а единственное, только использовала. Поэтому катись-ка ты, милый, колбаской, причём на все четыре сторонки!

От непредвиденного, напрочь неожиданного, поворота Павел опешил... он совершенно не представлял, как ему реагировать? Мало того что он содержал беспардонную, развратную женщину, оплачивал все многочисленные счета, так ещё, во-первых, умудрился заработать столь личную комфортабельную квартиру, всю её обставил по последнему писку моды, во-вторых, пошёл на то, чтобы взять в кредит завидную иномарку. Да, к судьбоносному повороту доверчивый мужчина оказался совсем не готов; он вовсе не знал, как жуткое событие стоит воспринимать – чёрной шуткой либо всерьёз. Если бы у него появилась возможность взглянуть на

себя в тот суровый миг сбоку, он очень бы удивился, улицезрев, как, оказывается, развита его нижняя челюсть и как она сумела оттопыриться книзу.

Зловредная супруга, всё больше ехидствуя, нисколько не унималась:

– Всем близким знакомым я рассказала, как ты нас с ребёнком жестоко избил, едва-едва не до смерти – он подтвердит, можешь не сомневаться! Собственно, из-за твоей разнузданности мы и вынуждены были уйти, спасаясь от безжалостного отца, от мужа-тирана. Сам понимаешь, если выдвинутая версия дойдёт до полицейского руководства, ты только предположи: что в предсказуемых последствиях будет? Ха-ха! Как тебе необычный расклад и кому, как думаешь, будет вера?

Участковый задыхался от справедливого гнева, но, единственное, нелепо лишь смог воспротивиться:

– Ты вообще, что ли, с дуба рухнула? Ты чего, Лиданька, такое несёшь? С какой, интересно, стати я должен оставлять тебе всё нажитое имущество, а сам оставаться голым? Ты белены, наверное, какой-то необъяснимой объелась? Или же признавайся, кто, собственно, на подлое предательство тебя надоумил? Сама бы ты, точно, не догадалась...

Закончить он не успел. Оборвала его мстительная особа, оравшая разъярённым, отчасти победоносным, тоном:

– Мне Погосову позвонить?! – упомянулся начальник внутренних дел, где довелось служить провинциальному недотёпе (с ним, между прочим и в силу ранее описанных обстоятельств, она была отлично знакома и имела прямую мобильную связь). – Либо ты в течение дня подгонишь мою машину, а затем, до вечера, съедешь с квартиры, либо я свяжусь с твоим непосредственным руководством и расскажу ему о позорных подвигах – поверь, синяки на теле найдутся!

– Без алиментов останешься! – грубо промолвил Аронов и отключился от сотовой связи; он еле слышно, лишь для себя, добавил: – Ну ты, оказывается, и стерва... Как я прожил с тобой добрый десяток лет – даже не представляю?

Где-то в глубине души влюбленный мужчина всё ещё надеялся, что он оказался во власти какой-то сверххитрой мистификации, направленной, чтобы стянуть с него побольше наличных денег; но полицейский опыт настойчиво подытоживал: «Проснись, доверчивый дурачок, тебя развели как последнего лоха. Если хочешь хоть с чем-то остаться, то поспеши – и действуй решительно!» Убеждённый в пришедших мыслях, Павел отправился напрямую к тому человеку, которому и собиралась пожаловаться чертовски предприимчивая супруга.

Погосов Геннадий Петрович являлся с подчинённым сотрудником практически одногодкой; однако служить он начал сразу после срочной армейской повинности, а являясь кореным москвичом, быстро продвинулся в иерархической лестнице и заведовал теперь целым столычным отделом. Тучная комплекция являла человека не очень подвижного, привыкшего к сидячей работе, пускай и малоподвижной, зато респектабельной; рост едва превышал отметку среднего и общим видом напоминал известного персонажа, по имени Вини-пух; круглое лицо лоснилось масляными щеками и выглядело сурово нахмуренным; кариес, с голубоватым оттенком, глаза выражали глубокий, аналитический ум, природную пронизательность да скрытое милосердие; короткая стрижка выдавала чёрные волосы и едва скрывала округлую голову, выставляя напоказ ровные, неплотно прижатые уши. Оделся он, как и положено, в полковничий полицейский мундир и, надуманно придав себе грозный вид, восседал в излюбленном кабинете, предаваясь равномерному течению служебного времени. Влиятельный офицер только-только отпустил очередного сотрудника и, несколько озадаченный, размышлял над полученной информацией, когда к нему и напросился не в меру взволнованный участковый. Отличительной чертой у него считалось, что умный руководитель всегда старался входить в положение подведомственных сотрудников. Не понаслышке зная всю сложную ситуацию, он

пригласил Аронова, встревоженный, сразу войти, подойти поближе и, не размениваясь на долгие предисловия, перейти к насущной проблеме.

– Товарищ полковник, – начал Павел взволнованным голосом и приблизился едва не вплотную, – у меня суровое семейное положение и мне необходима Ваша прямая помощь.

– Что случилось? – поинтересовался начальник отдела, указывая на стул и приглашая присесть за т-образный письменный стол. – Давай рассказывай, а я помогу, разумеется, чем смогу.

– Понимаете, какое случилось дело?.. – участковый рассказывал несколько нерешительно, потупив взор и что-то внимательно изучая на плоской поверхности. – Она совсем «с дуба рухнула» и заявила, что решила со мной распрощаться, причём уже насовсем. Дополнительно она требует всё нажитое имущество, которое я – сказочный идиот! – по собственной глупости переписал на неё... сразу после нашего с ней как бы развода.

– Ну?.. – не понял смущённый руководитель мысли, какую пытался донести взволнованный подчинённый. – Я-то чем сумею тебе помочь? Раздел супружеской собственности – дела гражданские, а они находятся за пределами моей юрисдикции.

– Так вот, – перешёл Аронов на заговорщицкий шёпот, – если пойти у неё на поводу, то я, Геннадий Петрович, вообще «без порток» останусь. Знаю, я и без того являюсь проблемным сотрудником и со мной постоянно возникают щекотливые ситуации; но всё же ещё раз прошу войти в моё положение и помочь в решении сложного, если не тягостного вопроса, где требуются и быстрота и решительность.

– Говори, – проговорил полицейский полковник, гораздо больше нахмурившись и подумывая, что речь пойдёт о неприятном подвохе, совершаемом не в рамках закона, – принимая во внимание, как ты участвует в жизни отдела, а заодно и твои показатели, я попробую чего-нибудь сделать.

– Потребуется совсем немного, – выдохнув спиравший воздух, участковый выложил альтернативную версию (из коей создавалось впечатление, что он оказался не полным лохом), – да, действительно, я переписал на неё всё наше имущество, в том числе и кредитную иномарку. Вероятно, я что-то такое подразумевал? Поэтому получил генеральную доверенность, дающую мне право автомобильной продажи. Чтобы не оказаться перед разбитым корытом и пока тот важный документ не отозван, я прошу день отгула и помощь в РЭО ГИБДД. Какую? В части документального оформления, где все мероприятия необходимо провести одним, сегодняшним, днём.

– Ладно, – выдохнул Геннадий Петрович с внутренним облегчением (честно сказать, он ожидал чего-то похуже), – не больно-то и большая проблема, и я в силах тебе помочь. Но!.. – сказал он вдруг, уже снимая телефонную трубку, намереваясь договариваться с ГАИ, – как ты за короткий срок найдёшь нормального покупателя?

– Я и не буду его искать, – произнёс участковый, легонько подрагивая; в предвкушении рискованного дела он загорелся глазами: – У меня есть очень хороший друг, который, уверен, не откажется со мною проехать, и мы благополучно перепишем жёнину иномарку на его, постороннее как бы, имя. Получается, я якобы её продаю, а налоги, начисленные со сделки, пусть платит хитро выделанная супруга.

– Хорошо, так мы тогда и поступим, – с успокоенным видом ухмыльнулся практичный полковник, набирая гаишный номер, – иди занимайся, а как всё сделаешь – мне сразу доложишь.

Не стоит говорить, что весь томительный день Аронов находился словно на раскалённых угольях, предполагая, как бы супруга не разгадала тактический замысел. И когда поехал домой, чтобы, воспользовавшись «блаженным» отсутствием, забрать все полномочные документы, и когда, нарушая дорожные правила, мчался в ГИБДД, и когда уже там, в течении целого часа, показавшегося, как минимум, целой вечностью, оформлялась «купля-продажа»,

и когда фиксировалась пусть и не сложная, но крайне рискованная сделка, и когда регистрировал право нового собственника, и когда получал доверенность на продажу. Хорошо ещё, всё прошло, как и планировалось, а беспечная супруга не смогла ему воспрепятствовать; впрочем, окончательно успокоиться Павел сумел не раньше, чем прибыл домой, имея письменные свидетельства, сопутствующие удачно проведённому торговому соглашению.

Не успел обманутый муж войти в квартиру, а его на пороге остановила злобная женщина; её сопровождала одна из закадычных блудливых подружек, бесцеремонно покрывавших все тайные любовные похождения. «Группой поддержки» оказалась жена свертница, выглядевшая несколько полновато и носившая имя Таня (фамилию он не знал); ростом она казалась чуть выше отъявленной заговорщицы, имела миловидное личико, сверх меры круглое, а сейчас виновато, но уверенно сверкавшее серо-оливковыми глазами (они передавали хитрую, беспринципную и отвратительную натуру); дальше обращал внимание маленький, словно пуговка, нос, в сочетании с тонкими, прижатыми вредно, губами, дополнявший основную часть типичного облика. Аронов мгновенно понял, что при любых обстоятельствах прямая очевидица будет свидетельствовать исключительно против него и что она наговорит не просто, чего не существует в помине, но и такого, что не смогло бы присниться. Но и это ещё не всё! Помимо прочего, «разведённый» мужчина верно сообразил, что на кону стоит его собственная судьба; то есть как он себя сейчас поведёт, так и будет развиваться вся его дальнейшая жизнь, так и останется ли он на полицейской службе или же нет. Неимоверным усилием воли он победил все негативные чувства, что разом просились наружу, а не переступая порога, включил на телефоне видеокамеру и только потом, осторожный, проследовал внутрь.

Лидия, по-видимому, не подготовилась к не совсем естественным действиям, предпринятым импульсивным мужем. Опешив, она замерла в нерешительности. Согласно её злодейского плана, разгневанный Павел обязательно устроит в отношении неё какой-нибудь несусветный, донельзя скандальный, дебош, какой не передаётся никаким людскими словами. Спровоцировать ударить её пару раз по лицу – на это она была непревзойдённая мастерица. Сейчас, когда видеосъёмка фиксировала миловидную мордашку без никаких повреждений... да-а, тут требовался другой, более ловкий, ход, который приходилось продумывать наспех, прямо на месте. Как уже известно, хитрющая бестия не обладала быстротой мыслительной деятельности, но, делать нечего (раз уж оказалась в эпицентре событий, и не имея задний план «Б»), требовалось переходить к активным поступкам, или открытому словесному поединку.

– Значит, так, «милый», – сказала она, пытаясь отстраниться от объектива съёмочной камеры (не забывая сохранять хотя и опешившее, но наглое выражение), – документы на квартиру я уже забрала, как, впрочем, и некоторые сугубо личные вещи. Некоторое время я собираюсь пожить у лучшей подруги, пока ты отсюда не выпишешься и не освободишь от невыносимого присутствия мою жилищную площадь. Понадобится? Буду добиваться справедливости в судебном порядке – это понятно?

– Как же тебя не поймёшь, с отпетым чудачеством, – саркастически усмехнулся муж, теперь уже полностью бывший, – что дальше?

– После, «любимый», – уперев руки в боки и гневно сощурившись, вредная пройдоха эффектно тряхнула волнистыми волосами, – ты отдаёшь сейчас ключи от моей машины и документы на право владения. Моя ошибка, что я разрешала тебе ею какое-то время пользоваться, ничего не меняет, ха-ха! Если тебе вдруг хватит смелости и ты не выполнишь мою волю собственника, я просто-напросто поставлю её в угон, и – пусть тебе ничего и не будет, потому как я знаю твои судебные связи – её всё равно подгонят, куда я скажу, и твои же собственные товарищи, ха-ха! А мо-о-ожет? Заставят и тебя самого – что будет мне только на руку – так как в последнем случае ты ещё и неприятностей на работе отхватишь...

Словарный запас у нагловатой особы являлся таким, что она могла говорить практически бесконечно. Если бы Павел не предоставил на общее обозрение автомобильные доку-

менты, дававшие право собственности другому лицу, то она могла бы поносить его бесконечно, оскорбляя и унижая, а главное, наслаждаясь явным, нечестно достигнутым, превосходством. Однако, как только перед наглыми глазками возник СВР, где всё: модель и цвет, регистрационный знак и год выпуска, и даже указанный ПТС – соответствовало её личной автомашине, но закреплённой совсем за иным лицом, она чуть не лишалась дара словесной речи. Раз! Почернела до жутких оттенков и придала себе выражение, схожее с сатанинским демоном, оскорблённо разгневанным, но и прекрасно очаровательным. Возмущённые глазки (хлоп, хлоп) бездумно хлопали, дышалось ей через раз, но сама облапошенная супруга продолжала сохранять воинственную позицию, удерживая ладони на толстенькой талии. В той неестественной ситуации, единственное, что смогла она выдать, не слишком членораздельную фразу:

– Что?.. Что это такое? Как ты посмел... я никакого разрешения тебе не давала?

– Да?.. Разве? – счёл нужным нахмуриться отвергнутый муж. – Как же тогда генеральная доверенность, что мы оформили сразу же после успешной покупки? – попавший в сети хитросплетённой ловушки, он просто торжествовал (хоть в чём-то оказался на голову выше), а продолжая дальше, позволил себе победоносную мимику: – Поэтому я воспользовался тем исключительным правом и продал нашу машину, которую – если ты помнишь?! – брал в кредит лично я. Пусть он и потребительский, не оставивший в праве собственности следов; но... словом, по совести, я распорядился общим имуществом вполне справедливо, ведь иномарка заработана мной, а значит, и владеть ею могу, единственно, я. Ты можешь подавать судебные иски, пробовать искать суровую правду; однако, поверь, всё равно она окажется на моей стороне, а тебе, ха-ха! ничего не обломится.

Вероломная прокуратница, оказавшаяся недостаточно хитроумной (видимо осознав, что потерпела сокрушительное фиаско?), схватила собственные пожитки (последним остатком собранные в дорожную сумку) и, сопровождаемая безмолвной подругой, отправилась прочь. На прощание она в истерике крикнула:

– Будь ты проклят, «грязный скотина»! Без меня пропадёшь и как «вонючая псина» сдохнешь!

– С дома я никуда не съеду! – крикнул ей вслед отвергнутый муж. – Я здесь прописан.

На следующий день, встретившись с адвокатом и проконсультировавшись о сделке, совершенной без прямого её веления, Лидия отчётливо уяснила, что полюбившийся иностранный автомобиль потерян для неё навсегда. Помимо первого казуса, совместное жильё точно так же вставало под спорным вопросом! В последующем, хорошо себе представляя, что в «договоре дарения» чётко прописано, чтобы «...предоставить Аронову Павлу Борисовичу место жительства и постоянную регистрацию, без права лишать его оговоренных привилегий...», она решила сменить ведомую тактику и «шилокрутить» хитро, искусно, на вид дружелюбно. Мытьём и катаньем, приводя множество всяческих предлогов, великая обольстительница начала убеждать, что бывший супруг обязан «свалить добровольно»; но... в поставленном несправедливо вопросе он так и остался – полностью непреклонен.

***

Так прошёл месяц, затем и второй. Супруги Ароновы жили отдельно, но, дивное дело, после всего случившегося умудрялись сохранять целиком дружелюбные отношения. Хитрющая женщина даже пообещала, что немного подумает и (может быть, даже!) вернётся, пролив бывшему мужу все «страшные прегрешения», вольные или невольные, но всё же чудовищные. Как не покажется странным, но она до сих пор умело скрывала стороннюю любовную связь, справедливо порассудив, что вначале определится с совместной квартирой, а уж потом с «чистой совестью» поддаст Павлу «пинищем под зад». Обуявшись коварными замыслами, Лидия продолжала с бывшим супругом любезно встречаться, ходила по ресторанам, кинотеатрам и позволяла беспрепятственно видеться с сыном. Что касается лично её? К своенравной особе (по своеобразному высказыванию «до тела!») отвергнутого мужа покамест не подпус-

кала, мастерски подогревая интригующий интерес. Хитрая и подлая, она продолжала требовать «оставить квартиру» и объяснялась правдоподобным предложением: «Ты съедешь, покажешь, что по-прежнему меня любишь, и тогда я – если увижу, что слова не расходятся с делом – разрешу тебе вернуться обратно. Но! Жить в последующем мы будем по моим исключительным правилам – и на моих конкретных условиях!».

Поразительное дело, Павел, давно привыкший к капризным выходкам взбалмошной жёнушки, в очередной раз просто тупо поверил и не провёл никаких закулисных дознаний. Завуалированная идиллия продолжалась до времени до поры... Однажды, изучая приложения интернет-сообществ, обманутый муж не совсем осознано, но неожиданно вспомнил, что знает пароль от личной странички жены, выставленной в социальной сети «Одноклассники». Он тут же решил проверить, чем она живёт в период их вынужденного, не навечно раздельного, проживания. Поводом послужило многочисленное наличие «приватных подарков», полученных за последние несколько дней. Когда заинтригованный простофиля беспардонно врывается в тайную переписку паскудной изменщицы, растревоженное сердце бешено билось, нет! – скорее, колотилось от боязни увидеть нечто, что насовсем перевернет привычный уклад. Обманутые сомнения нашли наглядное подтверждение – и он увидел... все знаки внимания оказывались единственным человеком (больше того!), пользовались полной взаимностью. Теперь Аронов был полностью убежден, что ему не просто сейчас изменяют «ненавязчиво наставляют рога», а бессовестно предают, поступая и грязно и подло, и равнодушно, и хладнокровно.

Кровь моментально ударила в голову, заставив её закружиться да приблизиться к грани, после которой наступает потеря сознания. Павел подавленных чувств не лишился, а только какое-то время сидел как будто потерянный, не в силах осмыслить ошеломляющий факт, печальный итог. Мобильный смартфон продолжал оставаться в руке, и он уже так, вчистую бессмысленно, водил по сенсорному экрану, машинально получая подробную информацию «об ошастливленном человеке, получившим у развратной женщины гораздо большее предпочтение».

***

Укоров Константин Николаевич (человек, интересовавший Аронова) в тот же самый момент, на им же снятой квартире, встречался с бесподобной любовницей; её он пророчил в будущем в любимые жёны. Удивительное дело, с отвергнутым участковым он оказался практически одноклассником, но, являясь коренным москвичом, сумел дослужиться до чина полковника и буквально на днях примерил мундир с присвоенным званием; оно открывало завидные перспективы. Офицером являлся он властным, сильно самоуверенным, чрезмерно амбициозным, не лишённым напыщенного высокомерия, то есть ставил личные интересы прежде всех остальных. Внешние характеристики отличались следующими отличительными чертами: тучным телосложением, в сочетании невысоким ростом смотревшимся неуклюже; круглолицей физиономией, отмеченной обвисшими щёками и слащаво причмокивавшими масляными губами; тёмно-кариими злыми глазами, не выражавшими ничего, помимо самовлюблённого своенравия; приплюснутым носом, заплывшим жиром и едва-едва видимым; маленькими ушами (как водится у эгоистичных людей), плотно прижатыми к коротко остриженному рыжему черепу; неприятной залысиной, видневшейся на темечке и макушке. Как и обычно, оделся он очень солидно: в однотонный дорогуший костюм, носимый с кристально белоснежной сорочкой, да яркий, разноцветно роскошный, галстук, да чёрные, до блеска начищенные, мужские туфли.

На текущий день у бывших супругов никаких романтических встреч не планировалось, поэтому влюблённые голубки решили спокойно понежиться – побыть вдвоём в уютненьком гнездышке. Малолетнего ребёнка [которому про непотребное «б..» (неприличие) было отлично известно, но который (по настоянию распутной родительницы) непоколебимо, а главное, бездумно покрывал развратную связь] они отправили немножечко погулять, а сами пре-

дались любовным утехам. Потом, вдоволь насытившись от похотливых желаний, перешли к обсуждению стратегически важных планов.

– Как же я, Костик, тебя люблю, – первой заговорила жгучая красавица, лёжа в широкой постели и поджигая тонкую сигарету, – со мной такое впервые, а раньше – ты не поверишь?! – врать и вводить в заблуждение ей не было равных, – я никогда никого не любила. Кста-а-ти, – она интригуяще растянула предупреждавшее слово, – я даже и не знала, что такое любовь.

– Да?.. – загорелся Укоров глазами, восхищёнными полной верой; он тоже взял закурил и любящим взглядом уставился на возлюбленную. – Ну, а как же тогда «ментяра»?

– О чём ты сейчас говоришь?! – возмутилась развратная потаскуха, презрительно сморщившись. – Кто ты – и кто «мент»?! – сразу расставила она все основные приоритеты. – Он и в подмётки тебе не годится – нищий, салага, да и в сексе «дерьмо»! Если быть до конца откровенной, то за него я выходила, чтобы хоть как-нибудь зацепиться в Москве. Я что? Приехала сюда неразумной девчонкой – ни кола ни двора! – и чуть было не скатилась до пагубной проституции. Хорошо ещё вовремя подвернулся лопухий «лошара», который в меня до безумия втюрился и вообще «потерялся». Женить его на себе оказалось совсем нехитро, несколько невычурно, а явилось делом обыкновенной девичьей техники. Тебя же я чуть только увидела, так сразу и полюбила безумной, беззаветной любовью; она, между прочим, не знает ни разумных границ, ни условных пределов.

Себялюбивый, крайне недоверчивый (в обычной жизни), полковник, в присутствии сказочно привлекательной, но вероломной пройдохи, становился податливым, как неразумный телёнок, ведомый на беспощадную бойню, – он верил каждому слову. По понятной причине сейчас он лоснился как мартовский кот и тешился зыбкой надеждой, что (вовсе не привлекательный!) сумел сразить хитрую, а ещё и сногшибательную красотку (ему невдомёк, что ловкую интриганку интересует лишь собственное благополучие, ну, и разве ещё высокий общественный статус).

– Ты не представляешь, милая, как сладкие слова греют мне уши, – мурлыкал кадровый офицер, восхищаясь личностным превосходством и совсем наплевав, что разрушает чужую семью. – Когда мы уже откроемся и станем жить в моей квартире... все вместе?

– Однозначно ответить сложно, – проговорила Лидия, задумчиво сморщившись, но продолжая сохранять голос сладостным, мелодичным, – ты же знаешь нашу нелёгкую ситуацию? Мне совсем не хочется лишиться всего, чего с великим трудом добивалась. Если бы не я – «хрен бы с два»! – «лопухий осёл» чего-нибудь заработал! Я уже и так потеряла машину... Эх, жалко, конечно, она мне так полюбилась. Ну, ничего, надеюсь, ты купишь мне новую, не менее роскошную, подходящую новому статусу «жены штабного полковника».

Укоров открыл было рот, чтобы обнадёжить любимую женщину, но ответить ничего не успел, так как в дверь к ним неожиданно-негаданно постучали.

– Кто бы это мог быть? – искренне удивилась обольстительная распутница. – Ребёнку я сказала, чтобы пришёл через час – уверена, меня бы он не ослушался!

– Вот сейчас и узнаем, – по-боевому сказал штабной офицер, резко вскакивая с кровати; он укрыв голое тело атласным халатом и потушил зажжённую сигарету.

– Нет! – воскликнула осторожная Лидия. – Может, заявился мой полоумный «бывший»? Кто его знает, что взбрело в его бездумную голову? Рисковать же имуществом и квартирой я совсем не хочу, тем более что он уже почти полностью в моей власти и вот-вот согласится с выдвинутыми, напроць провальными для него, условиями. Я открою сама, а ты оставайся в комнате, – она самодовольно хихикнула, – сюда мы всё равно никогда не заходим – общаемся с ним на кухне. Не сомневайся, – увидела она негодующий взгляд, – я выпроволю его по-быстрому: меня он продолжает слушать беспрекословно! Дальше вернусь к тебе, и мы продолжим прерванные ненадолго резонные обсуждения.

– Ладно, – нехотя согласился понурый полковник, – только смотри – если что?! – я выйду и набью ему «наглую морду».

– Нет! – прожжённая авантюристка сверкнула гневными глазками. – Ни в коем случае! Твоё появление вообще исключается. Я сама во всём разберусь, поверь, обмануть его труда не составит.

Вероломная бестия презрительно усмехнулась и пошла открывать; она нисколько не сомневалась, что Аронов не выдержал долгой разлуки и под каким-нибудь благовидным предлогом, желая сделать приятный сюрприз, припёрся, нежеланный, её навестить. Так в общем и получилось – во только инициатива ведения разговора была взята пришедшим неожиданным гостем. Едва оказавшись в жениных съёмных апартаментах, он, оставаясь до жути взволнованным, почти прокричал, еле сдерживая и безумную ярость, и необузданный гнев, неудержимо просившиеся наружу:

– Где он?!

– Кто – он? – старалась распутная стерва придать удивлённый вид, опешив от мужниной трансформации. – Я тебя... не понимаю?

– Да?... Действительно?! – рычал разъярённый, предательски обманутый, муж (он сравнивался с Отелло, или Венецианским мавром). – Я имею в виду Угорова, «мать его», Костю – или у тебя есть кто-то ещё?! – И не дожидаясь ответа, напрямик направился в комнату развратной проныры, где никогда до этого не был и где сейчас находился разоблачённый поганый любовник.

Когда взбудораженный мститель распахнул неплотно прикрытую дверцу, распалённому взору предстал располневший полуголый полковник; он в спешке пытался натянуть костюмные брюки, но застопорился ровно на середине, где-то в районе дрожавших коленок.

– Ах вот ты где, мерзкий разлучник! – прокричал полицейский, направляясь к вмиг опостылевшему врагу (тем более что его плачевное положение подвигало к удачному нападению).

Не позволив растерянному сопернику хоть как-то прикрыться, натренированный боец-полицейский заехал ему хоро-о-ошую оплеуху. На секунду у того помутилось в глазах, и даже посыпались искры. Используя то явное преимущество, Павел схватился за вражьи уши и направленным лобным ударом (раз!) сломал переносицу. О чём тут же и возвестилось из характерного хруста да брызнувшей крови, перемешанной с самопроизвольно вырвавшимися слезами. Произведённым стремительным натиском Константин Николаевич предупредительно лишился всякой возможности активно сопротивляться и оказать хоть сколько-нибудь значимое противодействие. Тем временем Павел, объятый безудержным гневом, повалил смятенного недруга на пол, и продолжил его избивать, и, уже лежащего, интенсивно колотил массивными полицейскими берцами.

Находясь в состоянии крайней агрессии, разъярённый каратель, бесспорно, убил бы беспомощного жиртеста, о чём впоследствии он горько бы пожалел. Но! Сейчас ему было всё полностью «фиолетово» (без разницы), и яростный мститель заранее готовился к любым неприятностям (пускай и нешуточным, и крайне плачевным). Он не знал, что, на его беду (хотя, скорее, на счастье?), в тот же самом подъезде, на той же лестничной клетке, изволил селиться представитель росгвардии, или просто омоновец. Именно к нему и устремилась роковая красотка: сама в умопомрачительный инцидент она лезть не рискнула, а решила предоставить его погасить кому-то другому. По стечению обстоятельств маститый сосед оказался дома, а не в какой-то дальней командировке. Узнав, что всамделишно приключилось, он с чувством откликнулся – проявил участие к призывам о помощи, поступавшим от перепуганной женщины. Как был, в трусах и тельняшке, профессиональный рукопашный боец бросился в соседнюю, смежную с ним, квартиру.

Оказавшись в центре явно не поединка, а жуткого избиения, военнотружущий миготом оценил ту драматичную ситуацию – и ринулся пресекать. Специфика службы участковых упол-

номоченных и представителей отряда мобильного особого назначения значительно отличается. Поэтому умелый спецназовец, применив всего-навсего пару приёмов, легко одолел полицейского и лишил его разительных качеств, сковав по рукам и ногам липкой лентой, любезно представленной основной зачинщицей всего случившегося конфликта.

***

Впоследствии ей пришлось вызвать «скорую помощь», априори полицию, что привело к обнародованию её двойной жизни; а значит, она лишилась всяческих шансов, чтобы по взаимному договору (так сказать «безболезненно») завладеть общей жилищной площадью. Затем пошли затяжные разбирательства как уголовные, так и гражданские. В результате у действующего сотрудника внутренних органов появилась реальная перспектива оказаться в «местах не столь отдаленных, значительно приближенных к тюремному заключению». Он, конечно, рьяно сопротивлялся, и даже переманил их общего сына. Попав под жёсткий прессинг военного полковника-отчима, тот с радостью согласился пойти на сделку с отцом; они провернули отчаянный план...

Однажды папа пригласил двенадцатилетнего мальчика посетить кинозал, что завелось у них практически на каждые выходные. Просмотр кинофильма происходил как обычно и закончился без значимых происшествий; но, правда, вот после... общаться продолжили чисто наедине. Именно тогда-то и состоялась их тайное соглашение, где-то справедливое, а в чём-то злокозненное. Малолетний ребёнок, выглядевший соответственно возрасту, являлся полной копией красавца родителя, но имел и некоторые черты, особенности натуры, доставшиеся от двойственной матери (что особенно выражалось в лисиной хитрости, лукавом проворстве). Итак, выходя из зала, где Алёша (так звали юного отпрыска) сидел с удручённым видом, близкие люди направились к дорогой иностранной машине, продолжавшей находиться в полном правном ведении отвергнутого супруга. Удобно разместились в просторном салоне и перешли к обсуждению волновавшей обоих серьёзной проблемы.

– Что случилось? – поинтересовался чуткий отец, видя недовольное состояние сына. – Ты какой-то сегодня вроде как невесёлый – кино не понравилось?

– Эти, «блин», «задолбали»! – воскликнул Лёша, находясь в эмоциональном порыве и не удосужившись назвать мать и отчима как-нибудь по-иному. – Никакого житья не дают! Этот – ну, совсем как в казарме! – орёт на меня и заставляет мыть унитазы. Папа, заberi меня жить к себе: у них я просто измучился.

– Но переделать право ответственного воспитания окажется сложновато, – заговорщицким тоном заметил Аронов-старший, – и окончательный результат зависит исключительно от тебя – сможешь ли ты пойти против родимой матери, сумеешь ли пройти весь трудный путь до конца или же нет?

– Да пофиг, – не стеснялся взволнованный сын в иносказательных выражениях, – лишь бы только подальше от Этих.

– Тогда сделаем так...

На следующий день смыслённый ребёнок, вместо школьных занятий, с утра направился в ближний полицейский участок; он попросил и помощи и защиты, умоляя оградить от «зловредной мамочки» и «садистского изверга», бессовестно унижающих его честь и достоинство. В правоохранительных органах к поступившему известию отнеслись с огромным вниманием, вызвали нерадивых, если не злобных опекунов-воспитателей, привлекли их к административной ответственности и благополучно оформили передачу сына другому родителю.

Дальше потянулись нервные, тревожные времена, когда бывшие супруги делили не только имущество, но ещё и ребенка. В конечном итоге более состоятельные отчим и мать сумели создать предпосылки, позволившие несовершеннолетнему отпрыску (сыну собственной матери!) отчётливо себе уяснить, что мизерный достаток рядового майора много ниже штабного полковника. Долго не думая, он, беззастенчивый, совершил очередное предатель-

ство, где «обманутым идиотом» выставил родного отца. Алёша мгновенно переметнулся обратно, завоевав себе в новой семье немалые преимущества. Павла вторым отвратительным поступком он лишил всякого смысла жизни.

Время шло, и подошло к логичному завершению судебное разбирательство, где полицейскому должны озвучивать приговор, вынесенный за причинением телесных повреждений злодею-любовнику.

Накануне последнего слушания его вызвал к себе Погосов (он испытывал к участковому некоторую симпатию) и участливым тоном спросил:

– Ты, Паша, как, в тюрьму-то не очень хочешь?

– Не желалось бы... Хотя-а, если честно, мне сейчас всё равно, да и Вам, думаю, тоже. Почему? Работник из меня теперь, скорее всего, никудышный, а тащить на себе излишнюю обузу совсем ни к чему. Тем более что и раньше-то со мной случались одни неприятности да проблемы, а сейчас ещё и уголовное дело...

– Всё, что ты наговорил, конечно же, правильно, – продолжал радушный полковник, выказывая искреннее участие; он дружелюбно поглядывал на проблемного, но преданного, грамотного в профессиональном плане, сотрудника, – не стоит всех считать бессердечными. Не такой уж я «полный скотина», а значит, отлично помню, сколько нам вместе пришлось пережить, плечом к плечу продвигаясь к достижению общей цели, направленной на борьбу с московской преступностью. Сейчас, в критической ситуации, я тоже не хочу остаться хоть как-нибудь в стороне и должен принять в твоей злосчастной судьбе личное, жизненно действенное, участие. Но! Изначально ты должен меня внимательно выслушать и прямо тут же, у меня в кабинете, ответить на важное предложение.

Заботливый офицер замолчал, дожидаясь, что скажет ему подчинённый. Тот не заставил долговременно ждать, а следом спросил:

– Что от меня потребуется?

– Ты можешь мне не поверить, – разговаривал сердечный руководитель голосом твёрдым, но сохранявшим волнительные оттенки, – мне стоило большого труда убедить бравого, – он неприкрыто ёрничал, – военного офицера, чтобы он отозвал выдвинутое им позорное обвинение и чтобы появилась немалая вероятность рассчитывать на условный срок заключения. Как, надеюсь, ты понимаешь, он требует кое-чего взамен...

Доброжелательный полковник прервался, проверяя, не потерял ли подчинённый сотрудник способность к логическим размышлениям. И во второй раз его ожидания не остались обманутыми, и Павел задался резонным вопросом:

– Чтобы я добровольно выписался с нашей, общей с женой, квартиры и куда-нибудь съехал?

– Не просто куда-то, – нахмурился Геннадий Петрович, показывая, что ему неприятно, что он сейчас говорит, – а уволился из органов внутренних дел и покинул пределы Москвы. Только так они согласны пойти на маленькие уступки. По большому счёту я и сам не вижу другого выхода. Если тебя осудят, то автоматически произойдёт позорное увольнение, но там последует и неременный тюремный срок, да, полагаю, ты и сам прекрасно всё понимаешь.

– Хм, – ухмыльнулся Аронов, осознавая, что именно он проиграл предательски проведённую схватку, – и куда я должен уехать? Хотя – если быть до конца откровенным – теперь мне без разницы, и я в полной мере готов принять любые условия, тем более что мне не оставили равноценного выбора. С другой стороны, до пенсии мне осталось чуть более месяца, и возникает насущный вопрос: как они прикажут быть здесь? Или тоже хотят добить до последнего?

– Нет, озвученный случай им отлично известен, – не смог руководитель подразделения сдержать облегчённый выдох (он предполагал более жёсткий характер беседы), – и, как они утверждают, их интересует только жилищная площадь... Поэтому – прости меня Господи! – нечестивые людишки разрешают тебе спокойно выйти на пенсию, но и настаивают, чтобы

рапорт на увольнение ты написал немедленно, добывая необходимый остаток отпуском и больничными. Вот такая, сложная, получается у нас диспозиция... ты как, согласен?

– Разумеется, – не стал Аронов подводить участливого начальника, которому, в случае его осуждения, пришлось бы несладко, – разве мне оставили альтернативную перспективу? Жить я, пожалуй, поеду к себе, в родную деревню. Сейчас там, говорят, расцвёл большой, красивый, очень богатый город. Его, кажется, именно так и называют... Рос-Дилер.

***

На том и порешили. Пару месяцев Павел улаживал незаконченные дела, оставшиеся в столице, а после, получив пенсионные «корочки» да пару лет «условного заключения», отправился на малую родину. Теперь там красовался новенький мегаполис, предназначенный для алчных людей, праздно существовавших в азартных играх, пьяной радости и плотских утехах. Правда, не только весёлая сторона жизни сопутствовала игорному центру – в нём царили глубокое разочарование, горькая печаль и потеря накопленных ценностей. Именно с негативными проявлениями и пришлось столкнуться бывшему полицейскому, неожиданно возвратившемуся в родные пенаты.

Родительский дом, где давно уж никто не жил (отца и мать немолодому мужчине пришлось схоронить несколько лет назад), располагался несколько в стороне: он находился за городской чертой на удалении восемнадцати километров. В лихие «девяностые», когда жизнь перестала быть привлекательной, а главное, безопасной, покойный отец решил обосноваться в глухом захолустье, чтобы развести небольшое фермерское хозяйство. Так он и сделал, а оформив в личную собственность участок земли, возвёл в центральной части двухэтажный бревенчатый особняк; по периметру он окружился высоким дощатым забором, который от времени значительно покосился и кое-где оголил придомовую усадьбу. Само жилое строение, возведённое двадцать пять лет назад, выглядело сносно – вот разве, не имея постоянных хозяев, оно нерадостно посерело, заросло ползущим плющом и представлялось мрачным, пугавшим, каким-то опустошённым. Раньше, когда здесь кипела жизнь и когда на полную мощность развивались племенное животноводство с сельским хозяйством, оно выглядело и эффектно, и представительно, и выделялось несколькими особенностями: во-первых, с фасадной части огромному холлу предшествовало парадное крыльцо с резными колоннами (они остались и сейчас, но выглядели уныло поблёклыми), подпиравшими балкон на втором этаже (где умерший родитель предпочитал отдыхать недолгими вечерами); во-вторых, на первом этаже, помимо всего прочего (вещевых кладовок, хозяйственных комнат, подвального входа), располагалось помещение кухни и отопительная пристройка, сначала грязно угольная, а позднее переделанная на чистое электричество; в-третьих, второй этаж отводился под личные спальни, семейные места отдыха, с бильярдом и комнатой, оборудованной под курение кальяна и употребление алкоголя (там же находился и современный санузел, содержавший даже маленькое джакузи). Сейчас былое величие предавалось полному запустению, сплошному унынию.

Павел не появлялся в родных пенатах с момента смерти родителей, и мысленно ужаснулся от представшего разгромного вида. Становилось очевидно, что не только неуправляемая природа и долгое время приложили к опустошению неблагоприятную руку, но и безнравственный человек не оставил одинокое строение без пристального, точь-в-точь губительного, внимания. О вмешательстве нерадивых граждан судилось по разбитым стёклам, а местами и выбитым рамам, отсутствовавшим дверям и разбросанным по территории носимым вещам. «Вот, варвары поганые, хорошо поглумились! – вырвалось у бывшего участкового, всю трудовую бытность боровшегося с проявлением тлетворного вандализма, чертой характера, сопутствовавшей человеческой жадности. – Даже здесь меня ждёт полный крах и сокрушительное падение».

Но! Не одна неприятная разруха поджидала единственного наследника, пересекавшего порог забытого отчего дома: прямо в холе, на установленном там просторном диване, располо-

жились два грязных, резко вонючих, бомжа. Их омерзительный запах ударил в нос вернувшемуся хозяину, когда он находился на удалении десятка метров от дома. Сейчас, вдосталь напившись крепких алкогольных напитков, они предавались спокойному, не в меру счастливому, сну. Выглядели они жутко, просто отталкивающе! Люди без возраста (один едва ли страшнее другого), незваные гости казались внешне похожими: у обоих наблюдались изрядно потрёпанные одежды, явно полюбившиеся странным хозяевам и не снимаемые им значительный промежуток времени (они могли спокойно поменять их на шмотки новые, во множестве разбросанные по домово́й округе, но процедура с переодеванием почему-то категорически избегалась); оба заросли давно невымытыми волосами, разнившись лишь цветом (у одного чёрные с проседью, а у второго рыжие, начинавшие обильно седеть), и курчавыми бородами, обляпанными остатками отрыгнутой пищи (очевидно, у тех был сегодня праздник и они сумели выгодно пожить); и тот и другой обулись в потрёпанные ботинки военного образца с отсутствовавшими шнурками (что свидетельствовали о неоднократных посещениях полицейских участков, причём никак не в качестве обиженных потерпевших). Если касаться внешних различий, то рыжий выглядел немногим повыше, гораздо худее; под правым глазом у него красовался синюшный фингал. У второго раздулась обширная гематома под левым.

Не стоит говорить, что, едва уличезрев незваных, да ещё и до крайности непривлекательных, посетителей, душа отставного блюстителя наполнилась страшным негодованием (да что там?), попросту жутким гневом. Он не смог промолвить ни слова – до такой степени горло сковало спазмом неизгладимого бешенства. Проснуться неприглашённым «пришельцам» заблаговременно так и не посчастливилось: твёрдым, уверенным шагом Павел проследовал напрямую к мирно почивавшим отбросам и нещадно стал пинать и того и другого. Озверевший наследник бил их ногами, обутыми в дорогие ботинки, отличавшимися прочной конструкцией. Раздавая нещадных пендалей, хозяин то ли не желал запачкать руки, то ли, подчиняясь сохранившейся со времени службы осмотрительной привычке, предостерегался от какой-нибудь омерзительной, гадкой заразы. После того как был выпущен «первый пар», полились словесные излияния; они сопровождали мгновенный выплеск гнева, копившегося в душе отвергнутого и преданного мужа и отца (соответственно) всё последнее время. Он требовал неременного и скорого выхода.

– Ах вы, мерзкие твари, – кричал он на них, – «бомжары» проклятые, вы понимаете, вообще, к кому вы припёрлись?! Да я вас в два счёта уделаю, и не одна полиция не будет искать ваши и без того полусгнившие трупы! Кто вам дал право селиться в мой дом и загрязнять его тлетворной вонищей, гнусным присутствием?!

Громогласные выкрики сопровождались не только одними болевыми воздействиями, но ещё и отборнейшей матерщиной. Несанкционированные хозяева, некогда узурпировавшие пустовавшую жилищную площадь, просто ошалели от невообразимой побудки: они вырывались из счастливого сна беспрестанно сыпавшимися чувствительными ударами да крепкими, когда-либо слышанными ими, словами. Через несколько минут синяк рыжего превратился в огромную гематому, а лицо чёрного сплошь покрылось синюшной мрачной окраской и, местами лопаясь, разбрызгивало по округе кровавую жидкость, зловонную, наполненную сгустившейся гнилью. Физиономия первого держалась по той простой причине, что второму (поскольку он оказался на краю дивана, дальнем от выхода) доставалось во много раз больше. Съездив пару раз тому, что оказался ближе, расвирепевший наследник продвинулся дальше – а уже там дал полную волю мгновенно вырвавшемуся на свободу бешеному неистовству. Не понимая, что же в действительности случилось и откуда (а главное, за какие грехи?) на них обрушилось болезненное несчастье, ополоумевшие бомжи, соскальзывая с дивана и пытаясь ползти по гладкому полу, наперебой голосили:

– Что?! Что такое?! Мы никому ничего плохого не делали! Живём здесь, в пустующем доме, никому не мешаем и никого, поверьте, не трогаем! Объясните: в чём наша прямая вина? Мы немедленно всё поправим.

Однако не тут и было. Павел свирепел всё больше и больше, а вдыхая кровавый запах (хотя и пышущий смрадом, но всё-таки будоражащий разум), не считал себе нужным, что обязан остановиться; напротив, помутнённый рассудком, он продолжал беспощадно тиранить и презренных, и гнусных личностей, какие давно уже опустились на дно общественной жизни. Видимо, для себя он твёрдо решил, что обязан «забить поганых мерзавцев до смерти!» Одному (кому досталось намного меньше) где-то, где-то удалось пораскинуть высохшими мозгами, что из кромешного ада необходимо вырваться любыми путями, а впоследствии звать что есть мочи на помощь. Так он, впрочем, и сделал. Вот, правда, зловонный мужчина, излучавший «пренеприятнейший запах», совсем позабыл, что дом тот, загородный, расположен в глухом лесу и что на протяжении добрых двадцати километров не повстречаешь ни одного нормального человека.

Тем временем в доме происходило настоящее смертоубийство, и кровь у избиваемого бомжа текла уж не только из наружных кровоподтёков, но вдобавок изо рта, и из ушей, и прочих отверстий. Терзаемый человек хрипел, отхаркивался и всхлипывал, слабо соображая, что же всамделишно творится вокруг. Аронов пинал изрядно побитое туловище, на коем не виделось ни единого свободного места. Не оставалось сомнений, что если безжалостный мститель сейчас не уймётся, то дальше он будет тиранить окровавленный труп. Что-то такое, по видимому, промелькнуло и в голове у бывшего полицейского, ещё совсем недавно призванного охранять закон и порядок; наверное, он посчитал, что один враг за жуткую провинность уже жестоко наказан. Отставной блюститель правопорядка устремился на улицу, чтобы окончательно довершить ужасное мщение и чтобы в точности так же проучить второго нахала, посмеявшегося нарушить родительскую память да святость построенного ими лесного жилища.

Тот, прихрамывая на левую ногу, повреждённую от первого знакомства с некорректным хозяином, и вереща во всю лужёную глотку «Спасите!», перебрался через рухнувший на землю заборный пролёт и теперь ковылял в сторону густой, разросшейся по кругу, лесопосадки. Там вполне можно спрятаться, а затем (если повезет?) окончательно затеряться. Вот разве Павлу казалось, что избежание заслуженного возмездия будет несправедливым и что непременно должны наказаться оба нарушителя спокойствия отчего дома. Он бросился вдогонку за удиравшим от него обезумевшим бедолагой. Нагнал порядком углубившимся в лесную посадку. Нескончаемой ненависти, какая кипела в нём в первый момент, когда имел неудовольствие лицезреть обоих вонючих мерзавцев, сейчас уже не было: она «подспала» от быстрого бега и свежего воздуха. Трусливый беглец, услышав сзади тяжёлый, всё более приближавшийся бег справедливо порассудил, что скрыться всё равно не сумеет, а потому сам, без чьей-либо посторонней помощи, как ковылял, так и рухнул на землю. Он перевернулся на спину, сделал жалобное лицо, наполнил глаза слезами, а едва лишь Павел приблизился, плаксиво взмолился:

– Не трогай меня, пожалуйста. Мы не знали, что дом принадлежит такому серьёзному человеку. Поверь, если бы похожее подозрение хотя бы слегка закралось к нам голову, то мы бы ни за что на свете сюда бы не сунулись, а нашли себе другое, более простое, пристанище.

Аронов не выглядел уже таким кровожадным, как, скажем, чуть ранее, но в запале, пока произносился оправдательный монолог, всё-таки пару раз съездил прочным ботинком по грязной физиономии да столько же по гнилому, излучавшему неприятный смрад, туловищу. Наконец, исчерпав хозяйскую мстительность да выплеснув весь накопленный негатив, он, так или иначе, но всё же остановился. Второму беззащитному человеку, а проще говоря «попавшему под раздачу» бомжу, Павел причинил телесных повреждений значительно меньше и сумел-таки не довести выброс злобных эмоций до тяжких последствий.

– Пойдём, – сказал он, надсадно дыша от душившего гнева, – заберёшь своего товарища и мотайте, «на хер», отсюда подальше, пока я не зашёлся сердцем и обоих вас не прикончил.

Отхаркиваясь багровой жидкостью и утирая обильные слёзы, перепачканные с потом, и грязью, и кровью, покоцанный бомж не возражая поднялся и послушно поплёлся за отставным офицером. Диковинное дело, когда бывший полицейский достиг пределов хозяйственного участка и обернулся назад, то обнаружил, что призванный спутник странным образом испарился, не оставив о себе никаких сопутствовавших напоминаний, даже тошнотворного, вонючего запаха.

– Хорош друг, – скорчил он язвительную гримасу, имея в виду взаимовыручку двух социально опущенных личностей, – ну что ж, придётся самому от него избавляться.

Рыжий так и продолжал лежать в том непривлекательном положении, в каком его оставил возмущённый хозяин (в форме эмбриона, скрючившего руки и ноги); он не подавал действительных признаков жизни. Единственное, то раздувавшийся, то уходивший внутрь носа кровавой пузырь свидетельствовал, что измочаленный бомж пока ещё жив. Недолго думая, неглупый юрист (отлично подкованный, а как следствие, мгновенно сообразивший, чем именно условно-осужденному выльется внезапная смерть человека, пускай и никчёмного, но всё-таки...) вызвал скорую помощь, чтобы не позволить «куску пахнущего дерьма» благополучно скончаться. Прибывшие медработники повели себя неадекватно, непредсказуемо вообще. Они неожиданно заявили, что транспортировкой опустившихся личностей (а тем более их спасением!) заниматься не будут, мол, пусть хозяин дома сам придумывает, куда бы «издыхающую мерзость» пристроить.

– Да вы что, совсем, что ли, «...вашу мать», охренели? – удивился отставной полицейский тем интересным правилам, какие здесь существуют; впрочем, спорить не стал, а перевёл разговорную тему в более продуктивное русло: – Я дам вам немного денег... сколько скажете. Только увезите его, не то, боюсь, греха бы какого не вышло.

Глава II. Современное монгольское иго

В то же время в Рос-Дилере, в следственном изоляторе, в камере предварительного заключения, находился глава местного преступного клана Джемуга, которому грозил весьма внушительный срок заключения. Необычное прозвище заключённый человек выбрал себе неслучайно. Обзавёлся он им в раннем детстве, когда являлся простым беспризорником и когда в «девяностые» промышлял всякими гадостями на территории одного отдалённого провинциального городка (ему приходилось думать о насущном пропитании практически с пяти лет). Ни настоящего имени, ни тем более фамилии малолетний злодей не помнил. Присвоенный псевдоним ему понравился, потому как «отбывая очередной срок в ДД (детдоме)» (куда его, маленьким, периодически доставляли и откуда он постоянно сбегал), юный свободолюбец вычитал в некой занимательной книжке, будто в далёкие, давно минувшие, времена существовал прославленный полководец Джамуха. Тот командовал племенами древней Монголии и его, между прочим, опасался сам Чингисхан, в те славные годы ещё Темуджин. Вдохновлённый мальчик не переставая твердил: «Ну и что, – имея в виду Джамуху, – что он его потом всё равно убили? – предполагая казнь в виде сломанного хребта. – Потому с ним и расправились, что смертельно боялись». В итоге, полностью потеряв сведения о настоящих предках, молодой негодник настолько уверился, что являлся прямым потомком славного воина, насколько даже в паспорте умудрился проставить себе одно, единственное, имя Джемуга, без фамилии и без отчества; он не преминул перевернуть его на звучный, а главное, как ему казалось, более значимый лад.

Некогда беззащитный ребёнок давно уже вырос и теперь превратился в уверенного мужчину, закалённого в уличных драках и постоянных преступных противоборствах. На вид ему исполнилось чуть более тридцати лет, что соответствовало и дате, проставленной в основном документе; он не являлся красавцем, но и не имел какой-то отталкивавшей наружности, удивительно сочетая и безраздельную мужественность, без единого признака страха либо сомнений, и в меру необходимую привлекательность; невысокая фигура располагала природной коренастостью, а смуглое лицо, и действительно, отличалось чисто монгольскими очертаниями – слегка продолговатое, оно выглядело бронзовым, с заушенными глазами и с тонкими, спускавшимися книзу усами. Касаясь жёсткого характера следует отметить, что слыл он самоуверенным, упрямым, безнравственным типом, а ещё и невероятно жестоким, не знавшим жалости ни к своим ни к чужим. Хотя если касаться понятия «своего», то таковых для него попросту не было, так как, выросши в промозглых трущобах, грозный, беспринципный преступник считал, что добился всего, чем обладает, сам и никому ничем не обязан. Все остальные должны ему учтиво прислуживать, а ежели кому-то чего не нравилось, то такие бесследно исчезали, приобретая статус «пропавшего без вести».

В Рос-Дилере он появился с момента его основания, когда в небольшой деревушке появился первый игорный дом и когда заложилось строительство огромного мегаполиса. Имея кипучую и деятельную натуру, тогда ещё молодой, не достигший совершеннолетия, парень активно включился в развитие нового общества: он взял на себя прямую обязанность сколотить устойчивую преступную группу, способную держать в страхе не только постоянное население, но и приезжавших тратить денюжки богатеньких толстосумов. Неудивительно, что похожих предприимчивых деятелей было несколько человек; они прибывали в небольшой тогда ещё населённый пункт в сопровождении – одни небольших, а другие более значительных группировок. Но! Именно Джемуга, поначалу оказавшийся едва ли не в сплошном одиночестве, а потом всё более обрастая преданными сподвижниками (они оставались от поверженных конкурентов), сумел организовать несравненно действенный клан; ему он лично придумал название и ласково именовал «моё монгольское иго». Подобно пчелиному улью «трудилось» созданное

сообщество, считаясь сплочённым, продуктивным, слаженным механизмом, способным держать в страхе всю прилегающую округу; оно обложило преступной данью все имевшие маломальский доход игорные заведения. Нетрудно догадаться, желающих поспорить за криминальную власть, в том числе и приезжих, больше не находилось.

Кроме охотников разделить сферы влияния «опасного бизнеса», существовали ещё и правительственные структуры, пытавшиеся сломить непререкаемый авторитет влиятельного бандита. Вот и сейчас, закончив трудную, но грамотно проведённую операцию, влиятельный преступник (уже тогда являвшийся крёстным отцом всего преступного населения города) был помещён в следственный изолятор, причём в отдельную камеру, дабы исключить ему всяческое сношение с внешним миром, подвластными уголовниками. На наступивший момент его доставили в комнату для допросов, где бандита посещал прокурор, лично Замаров Дмитрий Аркадьевич; значимостью высокой должности тот намеревался склонить задержанного к признательным показаниям. Если касаться государственного обвинителя, то, достигнув тридцатисемилетнего возраста, он дослужился до звания советника юстиция и выделялся высокой, атлетически сложенной фигурой; лицо выглядело худым, книзу несколько вытянутым, и не лишалось мужской привлекательности; прямой, едва ли не аристократический нос сочетался с тонкими, выдавшими хитрость, губами и гладкой, не имевшей загара кожей; серые, с голубым отливом, глаза выражали ум, проницательность, способность к построению логических выводов, но и не лишались внутренней жёсткости, а возможно, излишней жестокости; голова виделась ровной, ухоженной, отмеченной короткой стрижкой, светлыми волосами и чуть оттопыренными ушами. Верхняя одежда составляла стандартный мундир, выдававший представителя службы прокуратуры; он снабжался необходимой служебной символикой.

Находились они в небольшом помещении, где серые стены окрашивались мрачными красками; из неброской мебели там присутствовали металлический стол, разделённый посередине невысокой перегородкой, словно сеткой для игры в пинг-понг, да накрепко привинченные к полу два стула. Из средств сдерживания движений со стороны заключенного имелись стальные браслеты, снабжённые чуть удлинённой цепью, прочно крепившиеся к верхней обшивке; они предупредительно закреплялись на могучих руках опасного басурмана.

– Итак, господин Джемуга, простите, не знаю Вашего настоящего имени отчества, – начал допрашивать представитель органов правового порядка, – давайте вернёмся, с чего вчера начали, но в чём Вы упорно пытаетесь нас запутать. Сразу хочу сказать, что приведённые Вами накануне неубедительные доводы мы проверили и не нашли, поверьте, никакого им весомого подтверждения. В свою очередь хочу пояснить, что доказательств Вашей вины у нас достаточно и что мы – даже без Ваших признательных показаний – сможем упрятать Вас на значительный срок заключения. Согласен, скомбинировать окончательное обвинение будет пока намного сложнее и значительно дольше, но результат всё равно окажется единственно правильным, ведущим Вас на «длительный отдых». Ну, так как, господин Джемуга, сможем мы найти обоюдовыгодное решение, или Вы согласны на полный срок заключения, равный, повторюсь, десяти, а в лучшем случае, девяти годам тюремного заключения?

– Доводы твои, прокурор, – криминальный авторитет несколько не церемонился, – кажутся мне несколько не убедительными. Что у вас на меня есть? Да практически ничего. Нашли какой-то непонятный труп, а чтобы связать с ним меня, провернули какую-то непривлекательную «подставу». Подкинули якобы причастное к убийству «спаленное» оружие, затем подделали «туфтовую» экспертизу, что как бы на нём мои отпечатки пальцев. Заметьте! Я допускаю, что именно из него и был застрелен вменяемый мне человек; а значит, вы не сфабриковали тот единственный документ, как, скажем, всё остальное. Ну, а до «кучи» подготовили какого-то непонятного очевидца, которого я и видом не видывал и слыхом не слыхивал; а он утверждает, будто бы видел меня в тот кульминационный момент, когда я спускал курок и

стрелял в какого-то там человека, ныне покойника. Однако, прокурор, даже всё вместе взятое, сейчас перечисленное, я считаю не наиболее важным, что должно тебя беспокоить...

Придав себе злобно-ехидное выражение, матёрый бандит прервался, ожидая, какой эффект произведёт на второго собеседника высказанная им последняя фраза. Тот непонимающе уставился на грозного, до крайности опасного, басурманина, обозначая возникшее недоумение самым обыкновенным вопросом:

– Что ты хочешь сказать?

– Хм, – злорадствовал дерзкий преступник, наваливаясь на стол и приближаясь к непонятливому визави, – только то, что ты очень мало интересуешься личной жизнью нахального, но и нерадивого отпрыска и, наверное, даже не представляешь, где он может сейчас находиться. Проясни побыстрее щекотливый момент, а потом мы продолжим нашу неубедительную беседу. Мне бы очень не хотелось, чтобы ты, «мусор», – так закоренелый преступник обращался ко всем представителям правоохранительных органов, – упустил некоторые жизненно важные аспекты, связанные с личной семьей, а потом винил бы в случившихся крутых неприятностях снова меня.

– Что ты, грязная мразь, сделал с моим ребёнком?! – наливаясь пунцовой краской, в гнев закричал советник юстиции. – Только попробуй с ним что-нибудь сотворить, и я лично тобою займусь!

– О чём ты, прокурор, говоришь, – не переставал «зловредничать» погрязший в криминальной жизни злостный преступник, не спускавший с монгольского лица самодовольной улыбки, – я сижу в четырёх стенах, в отдельной, «мать твою...», камере. Ты, я думаю, человек разумный, поэтому задайся вопросом: как я смог бы отсюда выйти и навредить твоему несмышлёному отпрыску? – он вернулся в обычное положение и стал медленно выстукивать костяшками пальцев по верхней части стола (мелодия напоминала похоронный мотив); вдобавок он печально заметил: – Повторюсь, я просто переживаю, как бы с ним чего случилось – только-то и всего.

– Проклятый мерзавец, – прокурорский работник едва сдерживался, чтобы здесь и сейчас не избить заключённого, – если с ним что-нибудь случится – ты никогда отсюда не выйдешь!

Он резко поднялся и, продолжая то бледнеть, то краснеть, то покрываться пунцовой окраской, направился к металлической двери. Схватившись за ручку, услышал брошенную ему вслед фразу: «Напугал кота мышами!» Хотел вернуться назад, чтобы дать выплеск отцовскому гневу и самолично отмутузить не в меру зарвавшегося (возомнившего о себе Бог весть что) нахального человека; однако... служебная этика, долгие психологические тренинги и личная выдержка сделали положенное дело, и влиятельный мужчина решительно отправился прочь. Негативное отношение проявилось лишь громким дверным хлопком.

***

Одним днём ранее...

Зецепин Игорь Вениаминович, согласно установленного в СИЗО служебного распорядка, заступил на суточное дежурство; оно предполагало оперативную разработку содержащихся там всевозможных преступников. Двадцатисемилетний молодой человек, при высоком росте, не выделялся особой мускулатурой, но и не считался излишне слабым; лицо не выглядело каким-нибудь примечательным и обладало голубыми глазами да чрезмерно курносый носом (признак сильного любопытства); волосы являлись настолько светлыми, что им бы позавидовала любая блондинка. Остановливаясь на тяге к избыточной осведомленности, стоит отметить, что именно она и привела его несколько лет назад к одной непривлекательной ситуации, где печальным окончанием стала бы скоропостижная смерть. Именно тогда-то ему и помог уладить то щекотливое дельце небезызвестный Джемуга: он вызвался посредничать между ним и его серьёзными оппонентами. С тех пор оперативный сотрудник охранно-конвойной службы

находился у всемогущего покровителя на «постоянной зарплате»; преданный ему заблудшей душой и благодарным сердцем, он готов был ради великодушного благодетеля идти на любые жертвы, и самые рискованные, и крайне непопулярные. Едва ему представилась практическая возможность, тюремный оперативник находился у камеры матёрого преступника, с которым запрещалось видеться кому бы то ни было, не исключая и рядовых конвоиров. Однако Зецепин являл собой полное исключение: носил офицерский чин, дослужился до старшего лейтенанта, занимал должность оперуполномоченного. То есть! В силу прямых служебных обязанностей, был просто обязан проводить с заключенными оперативно-профилактическую работу. Под весомым прикрытием нечистоплотный сотрудник зашёл поздним вечером, далеко после отбоя, в камеру некогда доброжелательного спасителя, теперь же многоуважаемого наставника.

– Садись, брат, – обратился отпетый преступник к подвластному человеку, указывая на жёсткие нары, что оказались с ним рядом, – хорошо, что ты нашёл свободное время и посетил меня в столь тягостный момент моей жизни. Мы можем поговорить откровенно? Я имею в виду, не слушают ли нас случайно?

– Да, – кивнул молодой вероотступник, обозначая прямое согласие; в отличии от собеседника, никак не выдававшего нахлынувших эмоций, он легонько дрожал от нервного возбуждения, – можно говорить совершенно спокойно: наш разговор останется нашей тайной.

– Отлично! – воскликнул Джемуга, вскакивая с насиженного места и начиная мерить шагами небольшую тюремную камеру, ходя по ней и взад и вперёд. – Надеюсь, ты в курсе, как меня жестоко подставили, – Игорь утвердительно кивнул головой, – меня заманили в подготовленную ловушку, приставили ко мне «грязную суку» и вынудили ему довериться, как любому нашему брату. В результате я взял его на одно стрёмное дельце, где, не подозревая «мусорского» подвоха, застрелил некоего мерзкого типа, а «запачканное» оружие – дурак! – заставил уничтожить аккуратно того подленького «засланца». Хм? Ты как думаешь: что сделал в предложенном случае он? Правильно! Понёс его напрямую «ментовским» хозяевам. Они благополучно провели баллистическую экспертизу и поставили меня в крайне неловкое положение. Сам он теперь выступает проклятым свидетелем и его где-то надёжно прячут. Иначе... мои верные нукеры давно бы уж до него добрались, и я бы здесь не сидел, и даже близко не находился. Учитывая драматический факт, что мы с ним ходили тогда вдвоём, шансов «соскочить» у меня не предвидится. Разумеешь, что нужно делать?

– Пока что не очень? – засомневался Зецепин, мысленно понимая, что от совершения должностного преступления (что было, в принципе, далеко не в диковинку) ему не уйти (вызволить пленённого благодетеля придётся ему). – Но сделаю всё, что от меня зависит.

– Так я и думал, – утвердительно кивнул заулыбавшийся басурман, создавший современное «монгольское иго»; он остановился посередине камеры и внимательно вглядывался в лицо собеседника, – сейчас у нас только один – единственный! – выход. Мою судьбу и уголовное дело держит в руках не очень стоворчивый прокурор. Он почему-то посчитал, что может чего-то там изменить и поучаствует в распределении сил, существующих в городе. Мы не должны его намерений допустить! Иначе удачи нам не видать...

– Что нужно делать, брат? – с готовностью поинтересовался оперативный сотрудник, вдохновлённый вступительной речью. – Как мне тебе помочь? Я готов устроить какой-нибудь беспрецедентный побег, только впоследствии, – он сморщился, – мне здесь уже не работать...

– Нет, – остановил Джемуга пылкую речь, произносимую преданным человеком, – твоего прямого вмешательства не потребуется, нет! Необходимо в спешном порядке, любыми путями связаться с Баруном. У тебя есть с собой небольшой клочочек «чистой бумаги»?

– Разумеется, – утвердительно покивал Зецепин, доставая миниатюрный блокнот, – в написании документальных отчётов заключается вся моя нынешняя работа, так что писательского добра хватает с избытком.

Заключённый авторитет принял записную книжку, вырвал миниатюрный листочек и, ненадолго присев, написал два коротеньких слова. Сложил бумажное послание в несколько раз, пока не получился маленький, аккуратный шарик, а затем передал благодарному собеседнику, напрямую сообщнику.

– Что делать – ты знаешь, – сопроводил он предпринятые манипуляции понятным им обоим коротким напутствием, – сегодня тревожная весточка должна быть доставлена адресату.

***

Барун заслужил бандитское прозвище с лёгкой руки Джемуги, у которого являлся ближайшим сподвижником и которого сопровождал «по жизни» с раннего малолетства. Как объяснил предводитель «монгольского ига», обладая подаренным именем (согласно, разумеется, древней легенде), он становится преданным ему человеком, потому как искомое наименование обозначает «исключительно верный», (как и у себя, немного переврав перевод к монгольскому слову «баруун»). Полностью оправдывая вложенный смысл, неотступный подельник настолько был предан российскому басурману, насколько готовился не просто пожертвовать жизнью, но и живым последовать в самую преисподнюю. Он никогда не переспрашивал, не оспаривал, не интересовался подробностями отдаваемых поручений, справедливо полагая, что раз очередное задание получил, то надо разбиться в лепёшку, а его непременно выполнить. Останавливаясь на сумрачной внешности, отмечаются следующие основные черты: достигнул тридцать три года от роду; не выделялся мифической силой, а выглядел худошавым, но жилистым человеком, не обладавшим высоким ростом (недостаток физических данных компенсировался исключительным владением техники восточных единоборств и всеми видами вооружений, а также смелой, бесстрашной, почти неэмоциональной, натурой); имел продолговатое лицо, внешне полностью обездушенное, не выражавшее подвижной мимики, но обладавшее смуглой, обветренной кожей; отмечался глазами (под стать волосам, бороде и усам) чёрными, непроницаемыми совсем; отличался носом нестандартным, слегка сдвинутым набок (что свидетельствовало о множестве проведенных рукопашных спаррингов); обозначался губами узкими и широким, передававшими ожесточённую скверность природы; отображался ушами оттопыренными, причёской взъерошенной, никогда не знавшей расчёски. Одевался грозный боец преступного мира в серую рубашку, а всё остальное: неизменный бронежилет, брюки и прочные солдатские ботинки с высокими берцами – выделялось лишь чёрным оттенком.

Около четырёх утра, объяснив на службе, что ему необходимо срочно проверить важную оперативную информацию, Зецепин оставил основное расположение. Учитывая важность полученного задания, он отправился напрямую к дому преступного авторитета, подмявшему под себя всё городское мирное население. К удивлению, Барун встретил его достаточно бодрым, словно только и ждал, когда же принесётся весть, поступившая от главного босса. Вообще, у всех, кто его знал, создавалось впечатление, что он никогда не спит, совсем не отдыхает, а всегда несёт «нелёгкую службу». Она подразумевает улаживать щекотливые дела, постоянно возникающие в связи с родом деятельности криминального босса, одновременно ближайшего друга.

– Чего в такую рань? – спросил он недоверчивым голосом, ещё не зная об истинном предназначении «продажного опера» (сподвижник Джемуги относился к похожим личностям, как к самым заклятым врагам). – Не боишься, «мусор», приходить сюда ночью, да ещё и один? Или, может, ты скажешь, что не знаешь, в чей дом пришёл, и что таких, как ты и тебе подобных, особенно здесь не жалуют?

– Я не собираюсь выяснять отношения, – резко оборвал его Игорь (он точно так же не испытывал предрасположенности ко всем остальным преступникам), – я принёс тебе весточку от общего друга, и всё, что мне необходимо, – передать её лично в руки, а после отправиться восвояси.

Заканчивая не слишком ёмкую фразу, тюремный оперативник протягивал крохотный клочок бумаги, переданный влиятельным заключённым. Не изменившись в лице, Барун принял коротенькую записку и лёгким кивком головы разрешил незваному гостю (пока!) удалиться. Тот не преминул воспользоваться сделанным предложением. Едва Зацепин ушёл, исполнительный бандит развернул невзрачный огрызок, прочел, единственное, два слова и улицезрел многозначительный знак многоточия: «Прокурорский сынок...»

***

Замаров Эдуард Дмитриевич недавно достиг шестнадцатилетнего возраста и выглядел человеком привлекательным, физически развитым. Обладая выразительной внешностью и высоким общественным положением, он обучался в престижной гимназии и верховодил там сначала всеми детскими играми, а впоследствии и юношескими забавами, и всей молодежной тусовкой. Кроме всего перечисленного, он развивался намного быстрее менее значимых одноклассников, что создавало ему гораздо больше дополнительных преимуществ. Лицом парень выдался похож на отца и считался необычайно красивым. Здесь было всё: и голубые глаза, выглядевшие настолько глубокими, что казались попросту бесконечными; и прямой аристократический нос; и тонкие, практически бесцветные губы, выдававшие типичные признаки наглости; и гладкая кожа, сверх меры бледная, как будто никогда не знавшая солнечного загара; и приятные, почти девичьи, ровные очертания; и белокурые волосы, от природы кучерявые, больше обычного длинные – в общем, всё, что могло ему давать преимущество над остальными, намного меньше одаренными природой, товарищами.

В тот злополучный день Эдик, как и каждое утро, вышел из дома в половине восьмого и направился к иностранной машине, припаркованной во дворе элитного дома. Оделся он по октябрьской погоде в коричневую кожаную куртку, синие джинсы и яркую футболку разноцветных оттенков. У самого подъезда беспечного юношу встретил отвратительный тип, отличавшийся неприятной наружностью и источавший омерзительный запах. На нём были грязные, изрядно поношенные, лохмотья, и всем отвратительным видом тот вызывал и стойкое отвращение, и глубокую антипатию. Внешний облик выделялся внушительным ростом и мощной фигурой, а равно густой бородой и курчавыми волосами; они выдавали человека без возраста и имели характерную пепельную окраску.

У молодого человека, от жуткой вони, излучаемой мерзким чудовищем, неприятно засвербело в носу – он несколько раз чихнул. Повстречавшийся человек прилип, подобно клейкой липучке; он начал активно просить подаяния:

– Подай, мил человек, бедняге на пропитание. Три дня ничего не ел и не пил – пожалей бедолагу!

– Пошёл прочь, грязный, вонючий «бомжара»! – не забывая про нецензурную брань, прокричал высокомерный прокурорский сынок. – Отойди от меня, а не то... «ментов» сейчас вызову!

– Сжался, пожалуйста, – не отставал меж тем уличный попрошайка, приближаясь всё ближе и касаясь одеждами, вероятнее всего кишачными цепкими вшами, – ты, вижу я, человек богатый, так чего тебе стоит спонсировать мне сотню-другую?

Объяснение выглядело верным, и любой нормальный человек в похожей ситуации (лишь бы побыстрее отцепиться от надоедливого, да ещё и вонючего, типа) непременно так бы и сделал; но... только не амбициозный, сверх меры принципиальный, сынок высокопоставленного чиновника, который ничего ещё толком сам не добился, зато при каждом удобном случае кичился высоким положением в обществе.

– Поди поработай, – крикнул он отвратительному просителю, беспрестанно морщась и отмечаясь пренебрежительной мимикой, – а потом и покушаешь! Не таков я человек, чтобы подавать каждому бомжику.

Говоря последние слова, он подошёл, как ему казалось, к спасительному автомобилю, где можно было надёжно укрыться, а усевшись в просторном салоне, полностью избавиться от прилипчивого субъекта, источаемой вони. Ключи с электронной отмычкой Эдик приготовил, понятно, заранее и теперь беспрепятственно отомкнул магнитный замок, смыкавший машинные двери. Он немного спешил, намереваясь побыстрее укрыться внутри. Резко распахнул дверную створку с водительской стороны, просунул голову за проём, но... тут же, опешив, отдернул её назад, оказавшись обратно на улице: прямо перед ним показалась похожая морда, такая же заросшая, давненько невытая, отвратительная и кишачая вшами. Она самым каким только есть наглым образом проникала в его комфортабельную машину и несла за собой не менее грязное туловище; оно удобно усаживалось на пассажирском сидении.

– Что за «нах!..»

Договорить элитный отпрыск пришедшую мысль не успел, потому как преследовавший его второй бездомный извлёк откуда-то из пышных лохмотьев металлический прут, приблизился к ошеломлённому юноше едва-едва не вплотную и ударил его по задней части сомнительной черепушки. Становилось очевидно, что похожим образом тот поступает далеко не впервые. Воздействие случилось мастерским, и выбранная цель тут же, прямо на месте, лишилась сознания. Эдик готов был рухнуть на землю, но обездвиженное туловище, ловко подхваченное нападшим преступником, безвольно повисло в крепких объятьях. Оставалось приоткрыть заднюю пассажирскую дверь, засунуть прокурорского сына внутрь и разместить его на заднем сидении. Так тот и поступил. Прodelать незамысловатую операцию оказалось настолько проще, насколько помогал ему третий участник бомжеватого трио. Во время нападения он находился со стороны багажного отделения и терпеливо поджидал, когда ему придётся выполнить возложенную задачу.

Не стоит особо распространяться об истинных личностях людей, опущенных на дно социальной жизни и не имеющих возрастных различий, следует лишь заметить, что они отличались не совсем обычными прозвищами: Вахрам (тот, что приставал к прокурорскому сыну на улице), Кабрух (усаживался на переднее пассажирское кресло) и Сморчок (он устроился сзади). Понятное дело, все трое выполняли зловещее поручение, заданное жестоким Баруном. Хочешь не хочешь, но им никак нельзя было его завалить либо по какой-то причине не выполнить. В итоге, ловко провернув несложную операцию, отстойные люди привезли захваченную жертву на некую заброшенную усадьбу, по странному стечению обстоятельств до конца ещё не разграбленную. От основных жилых комплексов она отстояла чуть в стороне, окружалась сплошным, густо разросшимся, лесом и являла собой надёжное убежище для опустившихся личностей.

Ютились три мерзких типа в деревянной конторе, сохранившейся с довоенного времени. Она представляла собой бревенчатое строение с шиферной, местами треснувшей крышей и не имела застекленных оконных проемов; внутри имелось пять отделений, используемых раньше под кабинеты. В одном из них и обосновались странные личности, законопатив единственное окно – где целлофаном, где просто-напросто грязными тряпками. Младшего Замарова, невольную жертву, поместили в одной из комнат, где располагалась кирпичная печь. К тому моменту он уже очнулся и теперь, скованный стальными наручниками, любезно предоставленными Баруном, подвергался невероятно жуткому испытанию. Чтобы заносчивый парень особенно не кричал «Да вы знаете с кем связались?! Я сын прокурора города!», его заблаговременно лишили голоса, используя грязную и вонючую тряпку; она чем-то напоминала вышедшую из строя мужскую портянку. Закончив с изобретением кляпа, молчаливому пленнику (ну так, от греха подальше и чтобы более не заикливаться) связали ещё и ноги; сплели единственным, что удалось отыскать в близлежащей округе – неприглядными, плохо пахнущими, концами, оторванными от многочисленных тряпок, в избытке имевшихся в унылой и затхлой избушке. Стояла промозглая осень, дров в ближайшем лесу имелось в избытке,

и так называемые хозяева занялись обыденными делами: обогревом внутренних помещений, приготовлением горячего ужина.

***

Выйдя из комнаты для допросов, разъярённый прокурор бросил на ходу конвоиру-охраннику, дежурившему возле дверей: «Не убирайте его далеко, – имел он в виду заключённого, – я скоро вернусь и тогда мы плодотворно продолжим». Сам отправился проверять озвученную преступником тревожную информацию, взволновавшую его «до глубокого края стонавшей души». Буквально через час доподлинно установили, что матёрый бандит не блефует и что он имеет на руках невероятно значимый козырь. Как печальный итог, усердный работник правоохранительных органов, до кульминационного момента принципиальный и в принимаемых решениях полностью неизменный, выглядел окончательно сломленным – готовым к неприятному его сознанию договорному диалогу. Он, так много повидавший на долгом служебном веку, сейчас был подавлен, лицо его, мужественное, осунулось, как-то вмиг постарело и выдавало собой сильнейшие душевные муки.

Дмитрий Аркадьевич считался человеком неглупым и отлично себе представлял, какой именно опасности подвергается его неразумный отпрыск. Поэтому все поисковые мероприятия он провёл собственными силами, через частное сыскное агентство, не посмевшее отказать высокопоставленному городскому чиновнику. Профессиональными трудами, и обширными связями оно раздобыло прискорбную информацию. Ситуация выглядела критической, ведь похожего развития событий опытный деятель уголовного делопроизводства совсем не учёл, да и попросту не предвидел; он полагал, что раз он сумел лишить предводителя «монгольского ига» полного сношения с внешним миром, значит, лишил «чудовище» основной головы, полностью ограничив способность и думать, и действовать. Как оказалось, «зверь» оказался многоголовым, похожим на древнюю гидру, где при отсечении одной, на её место вырастали две, а может, и три. Любая из них способна чётко управлять сплочённым, отлаженным до мелочей, «организмом» (или всё-таки лучше сказать «механизмом»). Обозначать драматичную проблему правоохранительным структурам, понятное дело, нельзя. Высокопоставленный сотрудник, постоянно имевший дело с подобными проявлениями, превосходно понимал, что в неудобном случае жизнь его любимого сына, зависевшая от прихоти всего одного заключённого, не будет уже иметь того определенного смысла, на какой рассчитывал бездушный, безжалостный, самоуверенный басурман; то есть его ещё несформировавшийся мальчик наверняка подвергнется самому какое только известно жестокому умерщвлению. Садистские методы, применяемые при пытках людьми, подчинявшимися Джемуге, прокурорскому работнику были известны как никому другому.

Отягощённый противоречивыми мыслями, Замаров сидел в служебном кабинете и допивал вторую бутылку. Невзирая на изрядное количество принятого им армянского коньяку, забвение не приходило и мозг усиленно пытался найти ответ, способный ему помочь. Он оказался невольно загнанным в угол, выбраться из которого и со служебным достоинством, и без трагичных потерь, похоже, что не получится. Подходившего решения не было, а предпринять хоть чего-то было просто необходимо. Просидев в мучительных сомнениях час с половиной, Дмитрий Аркадьевич наконец-то решился и, задавшись отцовской целью «любыми путями вызволить из жуткой беды неразумного мальчика», направился обратно в следственный изолятор. Его с нетерпением ожидал довольный преступник.

– Как, прокурор, – начал он, озаряясь слащавой гримасой, едва влиятельный посетитель успел переступить порог комнаты, предназначенной для допросов, – разве у тебя не существует дел поважнее, чем тратить драгоценное время на посещение одинокого узника, упечённого тобою в тюремную камеру?

– Ты меня убедил, – сказал он, оставляя дверь приоткрытой, и, чтобы заключённому было слышно, отдал строгое приказание стоявшему рядом сержанту: – Отключите здесь запись!

– Но?.. – попытался возразить немолодой конвоир, неплохо представляя регламент, не позволяющий оставлять следственный кабинет без видеонаблюдения.

– Немедленно! – рыкнул городской прокурор голосом, не подлежащим сомнению, после чего с силой закрыл железную створку.

– Вот так-то гораздо лучше, «мусор», – насупился на вошедшего закоренелый преступник, во всем, в том числе и мимике, старавшийся подражать монгольскому древнему полководцу (что, кстати, получалось довольно неплохо), – только не надейся провести меня показными, бутафорскими выходками: я на дешевые трюки вовсе не покупаюсь. Говори, чего хотел, и если чего-то дельное, то мы рассмотрим, а ежели так, пустое, то лучше сразу иди обратно, меня же отправь назад, в мою удобную камеру.

– Я тебя не обманываю, – пересиливаясь, чтобы не съездить тому по лицу, зло прошипел Замаров, – наш разговор останется неучтённым, поэтому можно говорить спокойно, без индизнавательных оговорок.

– Раз так, докажи, что твоё расположение соответствует истине, – проговорил преступный авторитет, озаряясь зловещей ухмылкой, – выпусти меня на свободу... а после, в спокойной обстановке, на нейтральной территории, мы и обсудим интересующие нас обоих корневые проблемы. Пока же, сам понимаешь, в промозглых застенках откровенного разговора у нас – как бы мне не хотелось – никак не получится.

– Освободить?! Но это попросту невозможно, – искренне возмутился государственный обвинитель, отпрянув от заключённого, словно от прокажённого, – существуют неопровержимые доказательства: оружие, свидетель, опять же. Даже ценой собственной власти я не смогу изменить избранную меру пресечения; она назначена судом, и её, заметь, я сам для тебя и запрашивал.

– Значит, поторопился, – парировал хитроумный Джемуга, лицом приближаясь к перегородке и переходя на заговорщицкий шёпот, – не мне же тебя учить: ты знаешь законы как никто другой в этом городе. Что касается доказывающих улик? Хм, существует человек, носящий имя Барун. Поверь, он мастер решать любые проблемы – и подобные в том же числе. Не сомневайся, он справится и всё организует – комар не подточит носа. Насчёт же записи?.. И правда, тут ты рискуешь гораздо больше и тебе сейчас крайне невыгодно, чтобы о состоявшемся разговоре пронюхал кто-нибудь посторонний. Надеюсь, ты понял, в сложившейся ситуации, сложной для нас обоих, расстаться как-нибудь по-другому никак не получится – и это моё последнее слово.

– Хорошо, – кивнул озадаченный прокурор, – я где-то так и предполагал и подумаю, что именно можно сделать.

Закончив непродолжительный монолог, он резко поднялся и, больше не говоря ни слова, по-быстрому вышел. Вечером того же дня, при странном стечении обстоятельств, совершилось два дерзких, отчаянных нападения: одно – на надёжно спрятанного свидетеля; другое – на следователя, переходившего пешком из здания следственного комитета в строение, отведённое под прокуратуру, и добросовестно несшего на проверку уголовное дело. Оно вдруг зачем-то срочно понадобилось, стоит заметить, прокурору лично, да в конце рабочего дня, да в тёмное время суток. Трагическим результатом, соответственно, явилось следующее роковое стечение обстоятельств: смерть человека – в первом случае; исчезновение заключения экспертизы – уже во втором. Но и это ещё не всё! Тем же днём специалист, проводивший ранее экспертизу, озадачился одним, по его мнению, до крайности удивительным обстоятельством: он был не в силах отыскать документальную папку, где хранил копии проведённых в последние дни исследований. Ему было совсем невдомёк, что сотрудник главного управления, заходивший к нему по неотложному делу, слишком спешивший и озадачивший срочной работой, уходил, благополучно унося в портфеле небольшую, но очень весомую ношу. К концу дня никаких следов, указывавших на причастность Джемуги к расследуемому убийству, у следственных орга-

нов попросту не осталось; а значит, не имелось и причин для его дальнейшего задержания. Перед авторитетным преступником, как в досадных случаях водится, унижительно извинились, а на следующий день, ранним утром, отпустили его на свободу, под радостное ликование всех заключенных; они устроили на прощание если и не бунт, то многоголосый гвалт (это уж точно).

***

Тем же вечером лидер преступного мира, сопровождаемый высокопоставленным прокурорским руководителем, выехал за городскую черту. Вместе они направились на бывшую колхозную ферму, где томился молодой, не окрепший ещё, организм. Освобождение разыгралось по следующему сценарию: будто бы по поручению Джемуги, неожиданно прознавшего про несчастье, его верные люди бросились уточнять местонахождение пропавшего высокородного отпрыска. По наущению всё того же предводителя «монгольского ига» они предприняли обманный маневр и потратили, казалось бы, на несложное дело дополнительное, неоправданно долгое, время. Разумеется, весь продемонстрированный спектакль сочинили специально, и исключительно для обеспокоенного родителя, – дабы попрочнее утвердить его в мыслях, что он теперь «должен». После чего наконец-таки доложили об успешном завершении розыскной операции.

Очумелый юноша был уже на грани безумия, когда под театральные свисты и дружное улюлюканье в комнату, где его содержали грязные и подлые похитители, ворвались обученные к налётам лихие бандиты; их вёл неизменный Барун. Подлые бомжи были схвачены, для приличия немного побиты и выведены на улицу, где демонстративно поставлены на колени, прямо перед зданием бывшей конторы; в униженном положении они остались терзаться ожиданием и незавидной, и скорбной участи. Дальше отпетые злодеи деловито освободили шестнадцатилетнего подростка от железных наручников, ножных матерчатых пут и вонючего кляпа. Никто не потрудился ему объяснить, что «организованный концерт» является зловещей инсценировкой и что лично он оказался заложником обстоятельств, связанных со служебной деятельностью его влиятельного родителя. Впрочем, Замаров-младший и не требовал никаких разъяснений, а едва лишь освободившись, сразу же бросился вон из смрадного помещения; первым делом он намеревался расквитаться с отвратительными обидчиками – расправиться с ними незамедлительно. Прокурорский сынок мельком взглянул на Джемугу, мгновенно определив, кто здесь является главным, а получив утвердительный кивок головы, остервенело набросился на «пахнущих личностей» и принялся «потчевать» их множественными пинками; он наносил их сильными, выносливыми ногами, обутыми в дорогие, прочные, фирменные ботинки.

– Вы на кого, помойные черти, руку посмели поднять?! – жестокие пытки он сопровождал ещё и сумасшедшими криками. – Вы вообще, что ли, страх потеряли?! Мой отец главный прокурор города – вы что, наглецы тупые, разве об этом не знали?! Как вам мысль-то только, шальная, пришла – совершить со мной гнусный, дерзкий, позорный поступок?! Да я вас, отвратные мерзости, поубиваю и здесь, и сейчас!

Он раздавал хоро-о-ошенькие удары, поочередно переходя от одного к другому и к третьему. В присутствии влиятельного родителя он всё-таки воздерживался от более грубых словечек и употреблял лишь «разрешённые цензурой» простые ругательства. Мстительная жестокость, направленная на жалких отбросов общества, посмевших совершить его похищение, не ведала ни мыслимых границ, ни существовавших в моральном плане разумных ограничений. Бывший пленник, натерпевшийся всякого унижения и немного свыкшийся с ужасным зловономием, выражал яростное негодование в высшей степени импульсивно, и даже омерзительный вид его недавних обидчиков не удерживал негодовавшего юношу от беспощадной расправы. Касаясь состояния избиваемых жертв, они не выглядели больше столь расторопными, какими проявились в момент похищения, а единственное, что могли, принимали позу эмбриона, поджимая поплотнее руки и ноги, и перекатывались по опавшей листве. А! Обезумевший мститель заканчивал бить одного, перебирался на следующего, а следом на третьего. Через пять

минут невиданной экзекуции разорванная одежда, всклокоченные усы, бороды, волосы – всё покрывалось кровавыми выделениями, смешанными с соплями, грязью, слезами и, разумеется, вонью.

В какой-то момент, когда обезумевший парень, словно несколько не уставая, поддался всё большей ярости, Джемуга кивнул преданному сообщнику, сопровождавшему его с далёких «лихих девяностых» (когда они являлись безмозглыми детьми-беспризорниками). Тот сразу всё понял. Барун достал пистолет системы ТТ и, несмотря на суровый прокурорский запрет, вложил боевое оружие в ладонь взбесившегося подростка. Почувствовав холодную сталь, Эдик на мгновение замер, словно раздумывая, что ему следует делать дальше. Сомнительное состояние длилось недолго. Не взглянув на законопослушного папочку, ополоумевший юнец наставил воронёный ствол на Вахрама и, злобно сморщившись, приготовился выстрелить.

– Сынок, стой! – не выдержал Дмитрий Аркадьевич, хотя и пошедший на «делку с совестью», но до конца пока ещё не «запачканный». – Не делай этого: обратной дороги не будет!

Тяжело дыша, Замаров-младший стоял, наполненный неопишуемым гневом, с налитыми кровью глазами, объятый учащённым сердцебиением, готовый переступить черту, после которой как бы не хотелось, но возврата к нормальной жизни уже не последует. Зычный, немного дрожавший, но всё-таки сильный голос отца немного привёл его в чувство. Молодой человек позволил себе сомневаться чуть больше пяти секунд: он по-звериному скрежетал зубами, грозно водил желваками и беспрестанно играл наполненной гневом выразительной мимикой. Наконец! Поводил головой справа налево, плюнул Вахраму прямо в испуганную физиономию – и... вернул опасный предмет своему владельцу, а сам отошёл в сторонку и остановился рядом с родителем.

– Заканчивай дело, Барун, – промолвил Джемуга, словно отрезал; он несколько не сомневался, что не единожды проверенный подельник поймёт его несложное указание, а следом беспрекословно означенное исполнит, – а то мы здесь и так уже основательно задержались.

Беспощадный бандит, знавший предводителя «монгольского ига» как никто другой в целом свете, сообразил, что тот имеет в виду, и произвёл поочередно три выстрела: сначала в голову Вахрама, с помощью разрывной пули забрызгав округу кровавыми выделениями, серым веществом и костным остатком; затем в черепную коробку Кабруха, повторив с ним всё то же самое, что и с первым товарищем; потом в Сморчка, ничем не разнообразя. Кровавая смесь от последнего достигла брюк прокурора, словно специально запятнав государственного обвинителя соучастием в преступлении, совершённом с непередаваемой словами особой жестокостью.

– Ну вот, Дмитрий Аркадьевич, – злоредно ухмыльнулся Джемуга, обращаясь к служителю правоохранительных органов уже уважительно, – теперь мы с тобой замазаны одной «делугой», кровавой и беспощадной, а значит, должны друг о друге заботиться, оберегая и наше благополучие, и нашу общую безопасность.

Высокопоставленный чиновник прекрасно всё осознал. Он стал соучастником особо тяжкого преступления и никоим образом его не пресёк, то есть поставил себя на одну грань с самым ожесточенным бандитом самого преступного российского города. В тот же день все вместе отмечали счастливое освобождение переросшего мальчика. Организовали увеселительное мероприятие на широкую ногу, с небывалым размахом и с особенным шиком. С тех пор предводитель «монгольского ига» и городской прокурор сделали неразлучными побратимами, не позабыв поделить между собою и сферы влияния. Оба они теперь удерживали в Рос-Дилере безраздельную власть, но, правда, каждый со своей стороны закона.

Глава III. Молодая красotka

Наши дни. За двое суток до обнаружения растерзанных трупов...

Лисина Юлия Игоревна появилась на свет в середине «двухтысячных», в семье, не являвшейся слишком благополучной. Ещё в юном возрасте, когда маленькая девочка не научилась оценивать окружающий мир, её поместили воспитываться в детский приют; там она провела трудное, наполненное болью и горечью, детство. Сейчас она достигла пятнадцатилетнего возраста, и, постепенно превращаясь в прекрасную девушку, всё более расцветала – приобретала взрослые, бесподобно прелестные, очертания. Одновременно очаровательная сиротка обзавелась и жизненными устоями, не позволявшими ей находиться в ограничивавшем свободу занудном пространстве. Причина существенная? Она подвигла воспитанницу богоугодного заведения покинуть пределы детдома и отправиться странствовать. Однажды злая судьба занесла решительную особу в Рос-Дилер, привлекавший к себе возможностью быстрой наживы, яркими красками, а главное, минимумом допустимой законности. Располагая нагловатым, где-то даже вздорным характером, сопряжённым с природным жизнелюбием, острым умом и способностью подчинять себе более слабых, ловкая девочка быстро освоилась в лабиринтах игровых махинаций. Не обладая игорным азартом, она искусно одурачивала, а где-то и грабила беспечных клиентов. Доверительными отношениями она обзаводилась из-за удивительной внешности, располагавшей к себе как общей привлекательностью, так и конкретными формами. Действительно в её случае было от чего терять разумную голову. При невысоком росте в глаза бросались шикарная грудь, широкие бёдра, изящная талия, стройные ноги. Распрекрасная мордашка обладала следующими отличительными чертами: большими карими глазами, настолько красивыми, что они совсем не требовали косметики; точёным носом, отмеченным идеальной пропорцией; чувственными губами, где нижняя казалась немного толще, однако более тонкая верхняя ничуть не портила общего вида, а придавала прелестной пикантности; бархатистой кожей, от природы смуглой, совсем не нуждавшейся в летнем загаре; каштановыми локонами, прямыми, одинаково длинными, остриженными чуть ниже подбородка, окаймлявшими голову равномерной причёской. Одеваться подраставшая проказница предпочитала в коричневатую, под цвет волосам, болоньевую куртку, в тёмную футболку, в чёрную короткую юбку, носимую под однотонные колготки и остроносые туфли; не стоит забыть и про неизменную дамскую сумочку. В зависимости от ситуации, на ней можно было увидеть синие джинсы и шоколадного цвета кроссовки.

В тот день, в самом начале осени, она оделась в излюбленные одежды (по варианту второму) и направилась к игорному заведению, располагавшемуся на городской окраине. Сама исключительная красавица обосновалась неподалёку, в одном из многочисленных съёмных отелей, коими изобиловала округа и где совершенно не интересовались наличием личностных документов; там вполне довольствовались изображением Бенджамина Франклина, как водилось, за месяц вперёд. Может показаться странным: как пятнадцатилетней девочке сдают в поднаём жильё? Ответ кроется на поверхности: с недавнего времени, примерно два с половиной года назад, в Рос-Дилере всё больше укоренялась политика, направленная на развитие игорного бизнеса, а значит, и правые нормы работали лишь на теневую сторону жизни. Сообразительная девчушка, ещё в тринадцать лет сбежавшая из следующего приюта, успешно обустроилась в центре увеселений и развлечений, подвластном криминальным структурам и предполагавшим опустошение «глубоких карманов».

Вот и сейчас, Юля продвигалась на ночную вылазку, чтобы, как она говорила, «сбашлять» немножечко денег и поправить возникшие с финансами трудности. Не желая удаляться от дома слишком уж далеко, целью очередного посещения она избрала развлекательный комплекс, отстоявший в непосредственной близости. К её чести необходимо отметить, что выби-

ралась она на незаконные аферы, отчасти рискованные, а иногда и опасные, лишь когда у неё заканчивались основные средства, добытые с прошлого случая. Касаясь рода её занятий чуть-чуть подробнее, обычно проворная ловкачка стремилась к некоему оказанию помощи изрядно подвыпившим посетителям казино, чтобы те беспрепятственно добирались до занимаемого отеля либо другого временного жилья и чтобы не попадали по пути в лапы кишмя-кишевших бомжей да других любителей лёгкой наживы, не гнушавшихся никакими методами. Наличие трезвой сопровождающей для преступных элементов являлось неким тормозившим препятствием, не позволявшим пускаться на открытые, более активные, криминальные процедуры, сопряжённые и с грабежом, и с разбоем. Хотя, если честно, и Лисина при каждом удобном случае не упускала возможности поглубже запустить шальную ручонку в карманчик вынужденных попутчиков. Поступала она подобным образом как в прямом, так и в переносном смысле, предусмотрительно проверяя наличие их действительной платёжеспособности. Правда, в отличие от уличных бродяг и разбойников, предупредительная красавица, не до конца потерявшая совесть, никогда не забирала всех денежных капиталов; она завладевала лишь незначительной частью, точнее маленькой толикой, не превышавшей десяти, максимум двадцати, процентов. Наверное, именно по причине отсутствия «чрезмерного аппетита» ей и удавалось до сих пор не наживать себе крупные неприятности: от потери незначительной суммы облапошенные клиенты особо не заморачивались, справедливо полагая, что, при отсутствии сопровождения, они бы потеряли значительно больше.

Она уж совсем подошла к красивому зданию, ярко сверкавшему разноцветными бликами иллюминационных огней, когда внимание пронырливой девушки привлёк неприятный шум, доносившийся из глухой подворотни, примыкающей к игровому строению; он отчётливо означал, что разговор там происходит совсем нелюбезный. Обычно на стрёмных случаях кареглазая озорница старалась особенно не заикливаться и всегда проходила мимо, справедливо полагая, что поживиться там будет нечем; но... сегодня что-то внутри неё словно вдруг ёкнуло, заставило резко остановиться, а потом призадуматься: «Надо, несмотря ни на что, пойти и обязательно посмотреть... может быть, кому-нибудь нужна моя помощь? – стучало настойчивой мыслью в висках с одной стороны, с другой же твердило: – Опомнись, неразумная дурочка, там уже давно всё случилось и «подобедать» ничем не получится – да и какая тебе, собственно, разница до чьих-то проблем, если они не несут с собой никакой прямой выгоды?» Так размышляла молодая плутовка, стоя в нескольких метрах от входа в темнеющий ужасом глухой закоулок – оттуда сейчас слышались гулкие удары и короткие вскрики. Сомневаться дольше было нельзя, необходимо на что-то решаться: либо броситься в гущу происходящих событий и, вполне возможно, всё равно извлечь себе какую-то выгоду; либо смалодушничать, струсить и позорно бежать (ну, а раз всё-таки заострила на возмутительном факте внимание, то потом ещё и мучиться угрызением совести). Но! Девчушка являлась совсем не пугливой, напротив, отличалась бездумной отвагой и безудержной смелостью. Покрутив из стороны в сторону головой, как бы разминая шейные позвонки и больше уже не думая, она решительно ступила в страшившую неприятными звуками сущую темноту – пошла навстречу пугавшей опасности, таинственной неизвестности.

Как бы ни было в переулке темно и мрачно, всё же кое-как различалось, что в глубине, метрах в двадцати пяти от основного выезда на проезжую часть, три едва различимые фигуры атакуют четвертую; нападавшие прижали выбранную жертву к стене и у одного блестело лезвие стального ножа. Исход поединка виделся очевидным. Одному человеку тяжело, а если он не является каким-нибудь подготовленным бойцом-спецназовцем, то и практически невозможно сопротивляться промышляющим разбоем отчаянным личностям; а ещё они превосходят по численности, да вооружены холодным оружием, да готовы ради наживы на любое кровожадное преступление, да отлично натренированы по части отъёма у одиноких путников (как криминальные элементы нисколько не сомневались) ненужных им сбережений. Ситуация стано-

вилась критической, и у человека, подвергнутого наглому грабежу, не оставалось ни малой возможности, чтобы выйти из кризисной ситуации без весомых потерь. Скорее всего, на требование отпетых молодчиков «передать им его наличные денежки» он ответил наглым отказом, вероятно, подкрепил его активным сопротивлением, а в подобных случаях результат представлялся единственным: «отчаянному нахалу» пускали наружу кровь, а потом уж спокойно осматривали карманы.

Предчувствуя нечто похожее и превосходно ориентируясь в хитросплетениях уличной жизни, Лисина не колебалась ни единой секунды; однако и голову терять она совсем не хотела, а продолжала действовать в известной степени и хладнокровно, и осторожно. Двигаясь грациозно, словно крадущаяся к добычи маленькая пантера, отважная bestия приблизилась к нападавшим гопникам сзади; она подкралась настолько ненавязчиво, что её не заметил даже стоявший к ней лицом атакуемый человек. Хотя, если говорить откровенно, ему было совсем не до этого...

Аронов Павел (а в неприятной ситуации оказался именно он) в тот день вернулся в Рос-Дилер из длительной отлучки, в которой оказался непреднамеренно вынужденно. Испытательный срок, назначенный как условно-осужденному, в силу некоторых обстоятельств и хитросплетений судьбы, разрешили отбывать исключительно на территории московского региона. Наконец он вернулся в родимую сторону и намеревался направиться в родительский дом, пока не стал прямым участником печальных событий. Семейную иномарку, некогда позволившую ему не сделаться «любящим идиотом», «полным лохом» и «непродуманным дураком», ему пришлось продать. Видно, так распорядилась злая судьба, что никому из них не должно было ею владеть, и теперь отставной полицейский передвигался исключительно на общественном транспорте. Так вот, рейсовый автобус, перевозивший отставного полицейского к родному пристанищу, по пути внезапно сломался, и добираться пришлось на попутной машине. Водитель оказался настолько любезным, что подбросил к городской окраине, где начиналась пригородная дорога, следовавшая к далёкому, если и не глубокому захолустью. Прежде чем отправляться, бывший сотрудник органов внутренних дел зашёл в тот злосчастный проулок. Уличных туалетов поблизости не было, а посещать с непривлекательной целью здание казино показалось не очень прилично, да и попросту глупо. Почти мгновенно Павел оказался заложником непростой ситуации, где на него набросились сразу трое (нет, не бомжей!) здоровых и сильных людей, хорошо подготовленных на разбойное нападение; они считались отлично натренированными в грабительском деле и славились неуёмной жестокостью, напрямую граничившей с особенной кровожадностью.

Сначала, когда отставной офицер ещё не до конца зашёл в тупой переулок, вокруг всё вроде бы было тихо и не слышалось ни единого стороннего звука. Но! Едва он приблизился к одному из железных контейнеров, предназначенных для хранения мусора, и устался в ближнюю стену лицом, как сзади к нему приблизилась (даже в темноте хорошо различалось) физически развитая фигура, а у самого горла Павел почувствовал холодную сталь выкидного ножа.

– Не смей хотя бы чуточку пикнуть, – услышал он грубоватый, скрипевший стальными нотками, полушёпот; неприятным отголоском он заставил майора вздрогнуть и разом покрыться холодным потом, – давай сюда свои денежки, и тогда, быть может, тебя мы не тронем.

Бывший участковый, являвшийся в недалёком прошлом неплохим полицейским сотрудником, пусть и поверхностно, но обучался приёмам рукопашного боя. Не привыкший к развязному обращению, Павел первым делом перехватил вооружённую ладонь, ударил каблуком по стопе и начал проводить выкручивание конечности, отстраняя её несколько в сторону и убирая клинок от шеи; но... в следующий момент он почувствовал сильный удар в область печени – это второй нападавший, увидев, что внезапный эффект не сработал и что его товарищ попал в неловкую ситуацию, способную закончиться непривлекательным поражением, пере-

шёл к активным телодвижениям и пнул по туловищу не слишком сговорчивой жертвы. Далее, подключился уже и третий, после чего на Аронова посыпались многочисленные тычки, затрепщины, оплеухи. Он какое-то время успешно оборонялся, выставляя блоки и «уворачиваясь» то вправо то влево; но постепенно его защитная тактика становилась непродуктивной, потому как, всё более уставая (да ещё и в темноте плохо видя), бывший участковый пропускал всё больше и больше, теряя силы и способность к чёткой ориентации. Наконец, наступило время, когда он, изрядно измочаленный, но всё ещё не поверженный, прижался к кирпичной стене, преграждавшей путь к отступлению; она заставила лицом к лицу столкнуться с тремя безжалостными, подготовленными к опасному делу противниками. Все четверо тяжело дышали, ненавидяще уставившись друг на друга, и совсем не обращали внимания на окружающую обстановку. Именно минутное замешательство и позволило Юле подкрасться более чем незамеченной, а затем почти вплотную приблизиться к нападающим гопникам. Как раз в момент её приближения главарь (тот, что удерживал нож), чтобы немного передохнуть и перевести разгорячившийся дух, решил вдруг «разродиться» непродолжительным монологом:

– Ну всё, «покойная гнида», теперь тебе, уж точно, «трендец» – ничто не сможет остановить меня от готовящегося смертоубийства, хм! слишком много ты себе здесь позволил и обязательно должен понести жестокое наказание. Заметь: сначала я хотел тебя только пугнуть и всего-навсего отобрать нажитые денежки, но – теперь?! – наша разборка становится делом личным, и банальный мордобой тебе, «несмышленная погань», очень дорого обойдётся...

Возможно, говорливый преступник много ещё чего хотел наказать, прежде чем перейти к последнему наступлению. Понятно, высказаться полностью не успел, потому как небольшая фигура (неизвестно откуда?), выросшая сзади него, занесла вперёд тоненькую ручонку и прыснула из «газового балончика»; слезоточивая струя направилась говорившему негодяю прямо в лицо. Суть жизни Рос-Дилера такова, что заставила юную персону не надеяться на собственные детские силы, а иметь при себе средство эффективной защиты; вместе с другими, крайне необходимыми каждой даме, предметами оно удобно помещалось в маленькой кожаной сумочке. Никак не ожидая каверзного подвоха, поражённый главарь выронил острый нож и схватился за лицо, повреждённое едким газом; он присел на корточки, пытаясь протереть глаза и хоть как-то привести себя в чувство. Аронов, не рассчитывавший на чью-то поддержку, нисколько не растерялся, а кинулся в решительную атаку и набросился на остальных, остававшихся боеспособными, недругов. Один из них, пока отставной полицейский мутузил другого, повернулся к неожиданно подоспевшей подмоге и, не дав боевой красавице применить во второй раз «балончик», сцепился с ней в рукопашной, непримиримой схватке. Выросшая в детском доме, а впоследствии воспитанная в уличных драках, в необузданной ярости и действенной энергичности девушка ничуть не уступала физически развитому мужчине. Она ловко уклонялась от направленных тумачков и, невзирая на то что тот крепко держал её за руку, сжимавшую предмет индивидуальной защиты, разбрызгивала его содержимое по ближней округе. Одновременно юная бестия отчаянно колотила неприятеля маленьким кулачком и беспрестанно пинала, причиняя довольно болезненные воздействия. Однако и самой Лисиной не посчастливилось остаться полностью невредимой: несколько раз ей довелось испытать на себе силу мужской руки, внушительным кулаком неслабо скользнувшую по красивому телу.

Помощь дерзкой плутовке пришла как раз вовремя. Правда, вначале Павел, оказавшись один на один с чрезмерно бойким преступником, от внезапности контратаки слегка стусевавшимся, легко провёл незатейливый, самый простой, приём; он выразился в применении задней подножки. Тем самым вывел нападавшего выродка из душевного, да и просто обыкновенного, равновесия. Потом ударом ладони по сонной артерии заставил того погрузиться в длительное беспмятство. Когда и второй, корчившийся от едкого газа разбойник, был без чувств повержен на землю, отставной офицер спокойно расправился с третьим, слишком самоуверенным неприятелем. Он оказался сбит с ног и повален на голый асфальт. Пока оставался в созна-

нии, кареглазая бестия, вереща нецензурной бранью, какое-то время продолжала колотить по побежденному неприятелю бесподобными ножками, скрытыми, как известно, за плотно облегающими синими джинсами. Остановить настырную девушку смог разве что короткий приём, мастерски проведённый бывшим сотрудником внутренних органов и эффектно выбивший сознание из последнего соучастника.

– Всё! – прикрикнул Аронов, хватая развоевавшуюся красавицу за правую руку; он оттащил её от обездвиженных негодяев. – Они уже без сознания. Нам же надо по-быстрому уходить, не то не нагрянули бы их дружки либо же полицейские, что будет ничуть не лучше, а возможно, ещё и хуже... Объясняй им потом, что ты не дурак.

– Полностью с тобою, дядя, согласна, – Лисина нисколько не церемонилась, полноправно считая, что совместное участие в опасном мероприятии даёт ей право стирать и существующие условности, и установленные границы, – давай-ка быстренько сваливать.

– Спасибо тебе, конечно, – сказал Павел, когда они спешной походкой приблизились к выходу, ведущему из тупикового переулка, – но скажи мне честно: зачем ты ввязалась в непростую историю, а самое главное, как вообще здесь – так вовремя! – очутилась?

– Сама не знаю, – пожимая плечами, искренне призналась миленькая плутовка, мысленно теряясь в догадках, – обычно я никогда так необдуманно не поступаю и предпочитаю проходить «лесом», то есть мимо, полагая, что каждый человек сам виноват в случившихся неприятностях. Раз не можешь достойно сопротивляться, тогда сиди дома! Сегодня же на меня чего-то нашло, как будто поступило приказание свыше, и я пошла тебе, дядя, на выручку. А так?.. В общем-то не скажу, что я девушка скромная, но предпочитаю держаться всегда в одиночку, полагаясь исключительно на единственного человека, кому могу доверять, – на саму себя, на любимую.

– Понятно, – многозначительно промолвил бывший сотрудник полиции (по роду прежней деятельности он неоднократно сталкивался с похожими особенностями подросткового возраста и как никто другой представлял, что происходит сейчас в душе, как он нисколько не сомневался, затравленного ребенка, брошенного когда-то неучастливыми родителями); однако заикливаться на пришедшем предположении Аронов не стал, а просто осведомился: – Ну, а как зовут-то тебя, крутая спасительница, наверное, грозная Амазонка?

– Совсем и нет, – расплылась исключительная красавица в счастливой улыбке; одновременно она подтёрла кровь с подбитой губы, – «родаки» назвали Юлей, а все, кто знает, зовут Юлою.

– Почему Юлою? – искренне удивился отставной полицейский, выразительно подняв сведённые брови.

Тут они покинули глухой переулок и вышли на свет, где ему представилась возможность детально разглядеть несравненные очертания новой знакомой. Подраставшая особа точно так же, с нескрываемым интересом, рассматривала стоявшего перед нею взрослого человека, ради которого ей пришлось рискнуть (без прикрас!) собственной драгоценной жизнью (не говоря уже!) ослепительной красотой. И хорошо ещё обошлось лишь подбитой губой! Как и всякая представительница прекрасного пола, по отношению к собственной внешности она испытывала трепетное волнение. Подвергаясь лишь лёгкому, едва заметному, душевному дискомфорту, неотразимая красавица, привычная к периодическим стычкам, отвечая бывшему полицейскому, спокойно заметила:

– Потому что кручусь по жизни словно волчок. Кстати, если не нравится так, то можешь звать и Лисой. Это?.. Потому что я хитрая продуманка.

Здесь юная бестия, по-видимому со скромностью совсем не знакомая, расплылась в своеобразной улыбке, где, чуть подкашивая правым глазом, и действительно, стала похожа на рыжую плутовку-пройдоху, символизировавшую собой всю хитроумность животного мира.

Далее, не испытывая какого-либо стеснения и не спуская с лица игривого выражения, она озадачивала:

– Я себя назвала, а ты, дядя, чего никак не представишься – получается как-то невежливо?

– Да, да, извини, – спохватился отставной офицер, обычно не пускавший значимые детали на самотёк, – раз уж теперь мы на «короткой ноге», то можешь обращаться запросто – Павел.

– Хорошо, Павел, я очень рада знакомству, – промолвила молодая прелестница, а дальше, словно вспомнив о чём-то существенном, продолжала допытываться: – Но постой, а отчество... отчество у тебя есть?

– Борисович, – ухмыльнулся ей полицейский, не переставая восхищаться новой, странным образом возникшей, знакомой, – но, судя по твоей бравости, – он не стал употреблять «наглости», – оно тебе не понадобится, – сказал, а следом, считая, что душевный разговор, проводимый вблизи недавних «горячих событий», несколько затянулся, добавил: – Ты сейчас куда, не то, мне кажется, после недавнего происшествия мы здесь как-то несколько не на месте?

– Я, Борисыч, – почему-то отчество красавице полюбилось намного больше, – направлюсь по сугубо личному делу, которое – в свете последних событий! – осталось у меня незаконченным, – просить денег у понравившегося человека не поворачивался язык, – захочешь меня найти – разыскивай в каком-нибудь казино. Под каким псевдонимом искать – ты теперь знаешь... а, ты?

– Я отправлюсь домой, – не замедлил отчитаться Аронов, всё больше проникаясь душой к юной, а где-то и дерзкой особе, – я живу здесь недалеко, напрямик в лесном массиве, ха! – недалеко? – я немного погорячился. Так моё захолустное местечко можно назвать, если есть на чём туда ехать. Лишними финансами я особо не располагаю – поиздержался! – поэтому такси нанять не смогу; соответственно, идти все восемнадцать километров придётся пешком. Далеко? Отлично знаю, но, делать нечего, я человек закалённый. Ребятки же, кстати, – он кивнул в тёмную пустоту переулка, – не дали мне слова сказать и объяснить им всю бесполезность задуманной ими бесперспективной затеи. Они оказались какие-то глупые, скорее необдуманно жадные, – за это и поплатились. Давай, что ли, прощаться, или тебя куда проводить?

– Нет, – кивнула плутоватая бестия в сторону отстоявшего чуть в стороне игорного заведения, – я уже на месте. Уверена, со мной там ничего не случится.

Павел посмотрел в сторону красивого, игравшего яркой иллюминацией, здания, печально вздохнул, но всё же на всякий случай крикнул в сторону удивительной девушки, уже начавшей двигаться по направлению роскошного места:

– Ты не боишься?

– Нет, – ответила озорная особа, лишь слегка обернувшись и отобразившись игривой усмешкой; к удивлению бывшего полицейского, давно уже поставившего жирный крест на личной жизни, она заставила стучать его сердце неестественно быстро, – я здесь привычная и, кроме всего прочего, имею немаленький опыт: с тринадцати лет обитаю «на улице».

***

Ещё несколько секунд посмотрев вслед великолепной красавице, удалявшейся быстрым шагом, Аронов отправился в единственно правильном направлении, пролежавшим к отчому дому. Следуя за Лисиной, она, как и обещала, подошла к казино и беспрепятственно (поскольку здесь давно её знали и поскольку она сумела заслужить себе некую славу) прошла внутрь игорного заведения. Оставалось только выбрать очередного клиента, что она с успехом и сделала, моментально определив, что одному respectable пожилому мужчине непременно потребуется кто-то сопровождающий.

Имея кой-какой, совсем недетский, опыт, рано повзрослевшая девушка научилась безошибочно отличать то психологическое состояние, какому подвержены люди, не ладившие со

счастливой фортуной. Как правило, подобные «невезунчики» в драматические периоды перебирали с излишней выпивкой, чем становились лёгкой добычей для кишачих в Рос-Дилере тёмных личностей. Если, конечно, при них чего-нибудь оставалось и если они не спускали за вечер все личные сбережения. Как раз за сохранением необходимого минимума и следила сей-час юная бестия, выбиравшая наиболее неудачливого клиента. Наблюдала пристально, очень внимательно, чтобы самой не «отработать» впустую и чтобы обязательно осталось, чем можно впоследствии поживиться.

Наметив потенциальную жертву, Лиса, как маленькая липучка, прицепилась к одному азартному игроку, изрядно подвыпившему, не знавшему счёта спускаемым капиталам; он просто сорил ими в небезызвестной рулетке. Тот оказался человеком, давно перешагнувшим отметку шестидесятилетнего возраста, явно был несказанно богат и имел при себе значительные финансы как в эквиваленте наличном, так же и электронном; они находились на всевозможных кредитных картах. Представлялся он невысоким ростом, худощавым телосложением и выделялся кипучей энергией, невероятной подвижностью; лицом виделся смуглым, обладавшим обветренной кожей; серо-зелёные глаза блестели жадным огнём и казались чрезмерно живыми; острый нос выпирал и сравнивался с клювом у ворона; тонкие губы периодически расплывались в злорадной улыбке и выдавали своенравную надменность, излишнее себялюбие; волосы являлись седыми и, зачесанные назад, нисколько не скрывали лопухих ушей. Оделся пожилой незнакомец в чёрный, отливавший блеском костюм, носимый под белую сорочку, уже запачканную красным ликёром; она не содержала галстука и распаивалась в месте воротника на две верхние пуговицы. Он привлекал внимание азартным настроением и, несмотря на алкогольные жидкости, выпитые в многообразном количестве, выглядел возбуждённым, непременно жаждавшим выиграть. Вот, правда, удачливая фортуна в тот удручающий день осталась явно не у него, и, потратив всю имеющуюся наличку, он делал очередные ставки, используя одну из кредитных карт. Их у него с собой было аж целых пять, где две уже полностью «оголились» и где очередь плавно дошла до третьей. В «трогательный момент», когда он обналичивал электронные средства, заменяя их игральными фишками, к нему и присоединилась восхитительная красавица, выглядевшая никак не на пятнадцать, а, как минимум, лет на девятнадцать, если, конечно, не больше.

Сначала Юля лишь ненавязчиво за ним наблюдала; она подвигалась всё ближе и ближе, пока не оказалась от любителя пошвырять деньгами по правую руку. Обладая невероятно привлекательной внешностью, хитрая бестия мгновенно втёрлась в доверие и через десять минут была уже как своя. Опытная пройдоха, она начала подзадоривать и страстно переживать за результаты сделанных ставок, чем заручилась ещё и некоей благосклонностью, необходимой для успешного завершения задуманной комбинации; заодно у неё получилось разжиться игральными фишками и сделать несколько безуспешных ставок.

– Меня зовут Виталий Семенович, – представился пьяненький мужичок, передавая кареглазой красавице десяток кругленьких разноцветных предметов, – на вот, деточка, поиграй, может, хоть тебе повезет, не то у меня сегодня какой-то полный провал – столько холостых «сбросов» и не одной «ответной отдачи».

– Спасибо, – состроив кокетливые глазки, промолвила юная чаровница, – а меня можете звать Юлою – именно под таким именем я всем и известна.

Дальше пошли дополнительные коньячные стопки, а заодно и очередные ставки, где и Лисина, и пожилой человек полностью проигрались. Наставала очередь четвёртой кредитной карты. Но тут! Видя у выбранного клиента изрядное опьянение, вмешалась кареглазая испытательница:

– Нет, Семёныч, – выяснилось, что к людям, оказывавшимся старше неё, почтительная девушка предпочитала обращаться только по отчеству, – хватит уже. Ты и так изрядно потратился, постоянно проигрываешь и вряд ли сможешь когда отыграться. День сегодня явно не

твой. А ещё! Ты очень набрался и не отдаёшь себе никакого отчёта. Мне кажется, завтра о крупном проигрыше ты будешь страшно жалеть. Поэтому, позволь, я провожу тебя до съёмной квартиры – за определённую плату, конечно! – чтобы ты вконец не «опустошился», а главное, чтобы тебя не грабанили какие-нибудь поганые гопники, ушлые таксисты либо простые бомжи.

Приведённое объяснение, произнесённое миленьким голосом, практически всегда безотказно действовало на одурманенный алкоголем бессознательный мозг, и хитроумная уловка смыслённой плутовки срабатывала в девяти из десяти случаев. Очевидно, этот раз находился в требуемых пределах, так как подвыпивший мужчина вдруг повернул к новой прелестной знакомой затуманенный взор, изучающе её осмотрел, оценил бесподобную внешность и, кивнув в знак согласия, развязно промолвил:

– Да, красотка, мне думается, ты права сейчас абсолютно, и я действительно сегодня уж больше не выиграю; а значит, надо ехать домой, немного поспать, привести себя в норму, раздобыть побольше наличных финансов, а завтра вернуться обратно да попробовать благосклонность фортуны повторно – надеюсь, ты мне и в дальнейшем составишь компанию?

– Я над поставленным вопросом хорошенько подумаю, – как дико не прозвучит, но, являясь профессиональной аферисткой, юная пройдоха глазки строила и соответственно, и очень эффективно. – Если не буду занята каким-нибудь другим, более важным, делом, то, возможно, воспользуюсь сделанным мне заманчивым предложением, – в наклёвывавшихся случаях молодая авантюристка предпочитала вести себя уважительно, усыпляя бдительность потенциальных клиентов, попадающих под редкое обаяние и постепенно начинающих оставаться без разума.

– Хорошо, – Виталий Семёнович легонько нахмурился; он явно не удовлетворился прозвучавшим ответом, на какое-то время обозначился задумчивой мимикой, а после заметил: – Но всё равно – и я очень надеюсь! – что решение милой «очаровашки» – как бы мне хотелось, гм? – в отношении меня окажется положительным.

– Ну-у, не знаю, не знаю, – промолвила Лисина, беря шатающегося клиента под ручку; поддерживая, она повела нового знакомого напрямиком на выход, прикидывая, что тот в полной мере готов добровольно поделиться оставшимися финансами, – вот завтра всё и обсудим, – продолжала она уже на ходу, – а сейчас – пока ещё не поздно – по-быстрому надо покинуть и разорительное, и очень злосчастное место.

– Кстати, красотка... прости, забыл твоё имя, – внезапно пьяный мужчина остановился, застыл перед выходными дверьми, ведущими из игорных помещений на улицу, – совсем забывал у тебя спросить: а, сколько стоят оказываемые услуги, – он неприветливо усмехнулся, – не представляю, хватит ли у меня на тебя остатних денег?

– Не переживайте, Семёныч, договоримся, – продолжая кокетничать, завершила молодая авантюристка, – обычно я беру долларов двести, но Вас – поскольку мне очень понравились – я согласна сопровождать всего-навсего за сто пятьдесят.

Как и обычно, Юлия немного лукавила, применяя излюбленный финт, состоящий примерно в следующем: несколько завышая, а потом как бы резко снижая определённую ставку (ввиду якобы некоей особой привязанности), она располагала клиента, выбранного к финансовому разводу, к себе значительно больше; в результате он самодовольно предполагал, что произвёл на несравненную прелесть неизгладимое впечатление. Вот и теперь, от намётанного глаза не ускользнуло то самовлюбленное озарение, что невольно промелькнуло по лицу напыщенного, самовлюблённого человека.

– Отлично, «очаровашка», – промолвил Виталий Семёнович, позволяя взять себя под руку и вместе с неопикуемой красотой выходя на стильную улицу, – тогда я полностью на тебя полагаюсь... веди!

Дальше пошла стандартная процедура, включавшая в себя несколько привычных этапов: вызов ночного такси; посадку пьяного, без умолку болтавшего, шатавшегося клиента; объяс-

нение смурному шофёру, что особых проблем не будет; следование по нужному адресу, который, как сложилось в большинстве случаев, вначале оказывался неправильным (поскольку все почему-то забывали, что находятся далеко не в привычном городе, наличие же похожих улиц всегда приводило к закономерной ошибке); и, наконец, окончательное прибытие в нужную точку. Прокатавшись примерно час, оказались возле одного из многих отелей, коими изобилует центр игорного бизнеса. Молодая авантюристка помогла полупьяному нанимателю выбраться из машины, а едва таксомоторное средство уехало, ненавязчиво поинтересовалась об оговоренном раньше валютном вознаграждении:

– Мы когда, Семёныч, расплатимся – сейчас? Или Вы – поскольку, как никому другому, мне отлично известно, что с наличностью у Вас туговато – подгоните мне кредитную карточку – какая не обналачена – я быстренько «слётаю» к ближайшему банкомату и сниму себе нужную сумму. Вы же подождёте меня на «ресепшене», – произнесла, а видимо предположив, что речь её недостаточно убедительна, следом прибавила: – Не переживайте, не обману. Для большей убедительности оставлю с Вами дамскую сумочку, где находятся все мои вещи, а сверх того, и личные документы.

Пошатываясь из стороны в сторону, проигравшийся мужичонка стоял и каким-то странным взглядом (ранее юной девушке ещё незнакомым), осматривал пронырливую плутовку; он словно приценивался, достойна ли та его старческой похотливости. Увлечённый блудливым разглядыванием, он задержался с ответом на пару минут и разъяснил, уже когда Лисина, теряя принятую учтивость, не выдержав, удивилась: «Дядь, ты чего, тебе плохо, что ли?»

– Нет, – встряхнул он седой головой, словно скидывая чувственную истому, – мы поступим с тобою несколько по-другому... Я даю кредитную карточку, и ты отправляешься снимать валютные ассигнации – не забудь принести мне квитанцию, подтверждающую проведённую операцию, а то я вас, хитрых чертовок, знаю. Сам я – поскольку отдыхать на «ресепшене» считаю делом совсем неестественным – отправляюсь в свой номер – кстати, двести сорок четвёртый – и жду тебя там. Ты же, как обделаешь наши дела, предоставишь мне подробный отчёт, заберёшь положенное вознаграждение, получишь и сумку и «ксиву» – и... мы с тобой, к моему великому огорчению, пока распрашиваемся.

Хитрая плутовка, услышав про подтверждавший чек, не смогла удержаться от злорадной, отчасти презрительной, мимики; она промелькнула всего на секунду, но отлично отразила её скабрёзные размышления: «Говори, говори, старый козёл... Ты как думаешь: кто сможет мне помешать снять деньги как первый, так и второй, так и третий, так и многочисленный раз?» В любом случае она кивнула в знак согласия бесподобной причёской, что, мол, сделает всё только лишь в лучшем виде, приняла протянутую кредитку, узнала ПИН-код и заспешила к ближайшему банкомату. В Рос-Дилере они расставлены едва ли не на каждом углу – нужный оказался всего-то в паре кварталов. Отправляясь, она оставила залогом красивую сумочку и предоставила пьяному клиенту подняться в номер и предаться там (что обычно всегда случалось) безмятежному сну, спокойному отдыху. Сегодня расчётливая девушка ошиблась, и очень существенно...

Поняла она роковую ошибку, лишь когда вернулась назад, «заправленная» оговорённой суммой, подтверждённой квитанцией, а помимо прочего, дополнительной тысячей долларов. Как ей и указали, Лисина подошла к отельной двери, обозначенной табличкой: «244». Распахивая её бесцеремонно, без стука, непринужденно ввалилась вовнутрь.

– Дядь, – не считая нужным долее фамильярничать, она решительно перешла на неформальные нотки, – ты где? Я вернулась.

Ответа не следовало. Предположив, что подуставший клиент, как только оказался в занимаемых помещениях, сломленный пьяной негой, тут же уснул, нагловатая бестия пораздумала, что наиболее правильным будет, если она без приглашения пройдёт в основную спальню, оставит кредитную карту и заберёт оставленные залогом личные вещи. Так деловая красавица

точно и поступила. Миновав коротенький коридорчик, оказалась в просторной зале. Перед большим телевизором, показывавшим какие-то новости, вполоборота к ней, прямо посередине комнаты, на установленном широком диване, её новый знакомый сидел с невозмутимым видом, прислонив голову к задней спинке. Он как будто бы спал безотчётным и беспробудным сном; как лишнее доказательство громко похрапывал. Глаза его оказались закрытыми, голова чуть склонённой набок; Юлину сумочку он держал в правой руке, безвольно покоившейся на желтоватой обшивке.

– Семёныч, – на всякий случай негромко окликнула хитрая бестия, в душе начавшая радоваться, что и отчёта-то детального от неё никакого теперь не требуется (ну, в принципе, как и в большинстве чем-то похожих случаев), – дрыхнешь ты, что ли?

И опять ей никто не ответил. Юля предположила, что пришла пора решительно шуровать. Озабоченная поставленной целью, всё же инстинктивно ступая на цыпочках, она приблизилась к безмятежно дрыхнувшему владельцу. Внимательно взглядевшись и не заметив признаков осознания, Лиса кинула рядом кредитную карту, после чего потянулась за личным предметом. Вдруг! Открыв вмиг изменившиеся глаза (они наполнились зловещим, сладострастно похотливым, желанием), старый прелюбодей схватился за миленькую ладошку, протянутую к недорогому аксессуару, и, резко дёрнув, приблизил великолепным станом к себе. Обхватил прекрасное тело второй, свободной, конечностью, прижал к старому, до жути неприятному, корпусу и стал покрывать ослепительное лицо до крайности противными поцелуями.

Испуганная девушка стала нескончаемо верещать и активно брыкаться, пытаясь вырваться из цепких объятий; но престарелый мужичок оказался на удивление сильным, и выбраться из «железных тисков» не виделось ни малой возможности. Вонявшее алкоголем, а ещё и какой-то старческой гнилостью, дыхание растленного насильника представлялось воистину неприятным, смрадным, зловонным. Молодую красавицу, мгновенно охваченную паническим страхом, не вырвало лишь потому, что ещё в детском доме она смогла воспитать в себе непревзойдённую стойкость характера; дополнительно натренировала его в сложной «уличной жизни».

– Отпусти, дядя! – кричала Лиса что есть мочи, прекрасно понимая, что будет в дальнейшем. – Мне всего-то пятнадцать лет!

– Да мне, собственно, «по херу»! – отвечал ей грубым тоном зловредный мужчина, пытаясь перевернуть захваченную жертву на спину, чтобы оказаться в более выгодном положении, другими словами, сверху.

Как юная девушка не оказалась напугана, она всё-таки сумела логически рассудить, что если окажется под мерзким уродом, то шансов выйти из непростой ситуации целой и невредимой у неё навряд ли останется. Осознавая крайне незавидные перспективы, бойкая плутовка вырывалась как только могла и всеми силами старалась высвободиться из цепких плотоядных объятий. Но и престарелый извращенец точно так же не сидел сложа руки, а применяя нехилую силу, старался уложить несравненную красавицу в неловкое положение; одновременно он пытался заглушить оглушительные крики отвратительным ртом, впиваясь сморщенными губами в гладкие, едва ли не персиковые уста. Получалось у него довольно неплохо, и Юлин сумасшедший ор, вырываясь наружу и попадая в смердящую, зловонную пасть, превращался в безвольное, еле слышимое, мычание. Борьба подходила к окончательной кульминации – надежды на спасение не было! Худощавый, на вид невзрачный, мужчинка на поверку оказался жилистыми, физически развитым, типом; постепенно он добивался омерзительной цели, всё более подчинял злой воле невинную мученицу, склонял её в лежачее положение и отнимал у юной особы возможность к действительному сопротивлению. Вот Лисина уже спиной оказалась на гладкой поверхности, вот уже сверху на неё навалилось пренеприятное тело, вот уже развратный насильник стащил с неё верхнюю куртку, вот уже стал расстегать джинсовую пуговицу – и вот... в последний момент миленькая ладошка наткнулась на брошен-

ную на поверхность дивана дамскую сумочку. Слово какие-то мелкие молоточки, застучала во взбудораженной голове навязчивая идея о грядущем спасении. Пока пожилой извращенец занимался снятием одёжного предмета, плотно прилегавшего к расширенным бёдрам, Юла привычным движением расстегнула нехитрый замочек, откинула верхний клапан и запустила внутрь юркую ручку.

Искать пришлось недолго, так как кареглазая бестия отлично знала, что ей поможет. Нет! Вовсе не «газовый балончик», который, как известно, израсходовался в недавней уличной драке, но обыкновенные металлические ключи, отпирающие двери её же съёмного номера. Совершенно не думая, а орудуя на подсознательной интуиции, она извлекла маленькую железную связку, состоявшую из двух удлинённых плоских и одного более длинного, цилиндрического; на конце он предназначался под горизонтальный разъём. Крепко сжала её в руке, пропустив между средним и безымянным пальцами ключ, что был весомее остальных, резким тычком, направлением приближавшимся к себе, «познакомила» заднюю часть злодейского черепа с прочностью продолговатой структуры металла. Виталий Семёнович как-то сразу обмяк, а лишившись сознания, безвольно рухнул, придавив собою восхитительное тело отважной красавицы. Пусть и с большим трудом, и крайне брезгливо, но она смогла оттолкнуть от себя противное туловище, принадлежавшее извращённому старцу. Резко выпрыгнув кверху, уселась на невысокой спинке. Оставалось переварить сегодняшние события.

Удивительное дело, при том образе жизни, какой предпочитала вести рано повзрослевшая девушка, ей хотя и приходилось периодически сталкиваться с чем-то подобным, но до наступившего момента она лишь слышала пустые намёки. И вот! Именно сейчас злая судьба приготовила ей тяжкое испытание. Хорошо ещё, в который раз всё обошлось без серьёзных последствий, если не считать старческое, дряхлое тело, не подающее признаков жизни; оно беспомощно лежало у изумительных ножек. «Интересно, живой он, или же я его замочила? – пульсировала тревожная мысль. – Если действительно так, то надо побыстрее отсюда сваливать, а иначе – как не скажет мой новый знакомый, проживающий где-то за городом, жаль, дура недалёковидная, не спросила, где именно – понаедут сюда «менты», – немного переврав поведенную фразу на собственный лад, додумала вконец перепуганная красавица, – и объясняй им потом, что ты никакой не гималайский верблюд».

Достигнув пятнадцати лет и в той или иной степени пройдя «огонь и воду и медные трубы», Лисина тем не менее не научилась определять степень погружения в состояние глубокого обморока. Считая, что, отобразившись неудобной позицией, перед ней определённо расположился настоящий покойник, справедливо посчитала, что самое лучшее – это побыстрее куда-нибудь испариться. Невзирая на произошедшие недавно роковые события, очаровательная плутовка не потеряла возможности здраво мыслить и покинула злополучный номер только после того, как прихватила с собой кредитную карту, с которой недавно снимала деньги и которая так и продолжала до сих пор лежать на верхней диванной обшивке. «Всё равно она дохлому мертвяку ни к чему, – мысленно оправдывала она неблагоприятный поступок, бывший в какой-то степени даже и справедливым, – а мне – за мои-то телесные страдания и душевные муки! – необходимо заполучить законную компенсацию. Любой преступный авторитет нашего города со мною полностью согласится. Поскольку живу я по понятиям криминальным, то и поступать буду им и сообразно, и соответственно». Убеждённая глубокомысленным размышлением, неглупая красавица, оставшись довольной незамысловатыми выводами и особо ничего не разглядывая, сунула прямоугольный пластик в карман коричневой куртки, которую вслед за синими джинсами тотчас же и одела. Не позабыв плюнуть на бессознательное тело несостоявшегося насильника, продуманная Лиса горделивой походкой направилась к выходу.

Оказавшись внизу, Юлия, проходя возле «ресепшена», инстинктивно отворачивала лицо, хотя и прекрасно понимала, что её прелестный облик давно запечатлён, как минимум, камерами отеля, а заодно и здания казино. Молодая авантюристка являлась девушкой

умной и неплохо осознавала, что теперь ей придётся пуститься в бега, с последующим переходом на образ жизни подпольный, скрытный, неочевидный. Что в связи с этим нужно? Для более-менее сносного существования необходима денежная наличность. Вняв благоразумным суждениям, Лиса прямой дорогой направилась к ближайшему банкомату, но, только его достигнув, к великому огорчению, вдруг разглядела, что кредитная карта легонько надломлена; очевидно, досадная неприятность случилась в моменты активной борьбы и, как печальное следствие, полноценно исключала благополучное снятие валютных ассигнований. Возвращаться назад, чтобы разжиться другой, более платёжеспособной, – делом считалось стрёмным. Хотя всех наличных денег, оказавшихся в распоряжении деловой красавицы, имелось всего-навсего тысяча сто пятьдесят долларов – сумма для долгого путешествия, конечно же, недостаточная.

В силу юного возраста не умея подолгу заикливаться на насущных проблемах, Лисина печально вздохнула, подумала, что «от дальней поездки приходится отказаться», и направилась в один захолустный домишко, с недавних пор ей известный в качестве непреднамеренно опустевшего; а главное, он не пользовался особенным спросом, потому как располагался прямо на кладбищенской территории. В непривлекательном, если не устрашавшем обстоятельстве был и свой значительный плюс: являясь в недавнем прошлом убогой сторожкой, после смерти смотрителя избушка так до сих пор и не «обзавелась» очередным обитателем. Именно в ней добровольная изгнанница и решила спрятаться от грозного российского правосудия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.